

ВЫ И МЫ

THE WOMEN'S DIALOGUE

ДИАЛОГ ЖЕНЩИН

№11

ВЕСНА 1995

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА КАК ЗЕРКАЛО ОБЩЕСТВА

Беседа с Е.Лаховой. Коротко о Каирской конференции.

Польша: аборт снова под запретом.

СПЕРМА В БАНКЕ

Рассказ женщины о своем неудавшемся опыте искусственного зачатия.

ГОЛОСА ИЗ НОВОСИБИРСКА

Что заботит женщин разных поколений?

ДОЧКИ-МАТЕРИ

Путь к отношениям "на равных".

ХЭППИ ЕНД

Рассказ о "сильной" любви.

Когда на традиционном новогоднем "круглом столе" радиостанции "Свобода" меня спросили об итогах года с точки зрения "женского движения в России", я в первую секунду испытала легкое смутнение. О каких таких "итогах" и "свершениях" можно говорить, когда в стране идет война, гибнут люди, голоса общественности просто не доходят до руководителей государства, а общая ситуация в России, и без того крайне тяжелая, грозит стать просто катастрофической - если каждая пятая семья (по официальным данным) живет за чертой бедности, если более сорока процентов детей получают недостаточное материальное обеспечение, - какое, на первый взгляд, может иметь значение - активно или безинициативно женское движение? И тем не менее. Прошедший 1994 год и начало 1995-го обозначили некий серьезный рубеж. Прежде всего потому, что те тенденции, которые наметились в прошлом, стали явью, вполне очевидной, а те предположения, которые возникали в прошлом, перешли в уверенность. И потому, что это была пора в широком смысле прощания с иллюзиями - и политическими, и житейскими, теми самыми, на которые так падко наше так называемое "бывшее советское сознание" в целом.

Что же все-таки произошло? Прежде всего, стало совершенно очевидно, что государство, как бы оно того ни желало, не может реально поддержать ни женщину, ни семью. В первую очередь, с точки зрения материальной: яркие тому примеры - судьба мало известного большинству россиян Указа Президента о детских пособиях (эти символические суммы в ряде регионов страны попросту не выплачивались местными властями), или работа той же самой Федеральной службы занятости, которая не в состоянии обеспечить всех российских безработных женщин рабочими местами. Не грех здесь вспомнить и недавно наконец принятую программу по безопасному материнству (стоит еще раз заметить, что, приняв наконец требование международных стандартов к подсчету параметров здравоохранения, наша страна резко откатилась назад по всем показателям, и по материнской смертности, например, опережает США почти в 20 раз, а, скажем, Швецию, - более чем в 50). Так вот, на всю эту программу в течение года было выделено примерно 40 миллиардов рублей на всю страну (в то время как одна неделя войны в Чечне при этом "съела" более 400 миллиардов). Говорю об этом не для того, чтобы еще раз отметить бездушие и неготовность государства решать социальные проблемы - но прежде всего потому, что уверена: эти цифры, слава Богу, в наши дни абсолютно открытые и доступные каждому, стоит реально оценить и понять, что без развитого негосударственного сектора - и в первую очередь без женского движения как души и основы этого сектора - попросту не выжить. Женских инициатив в России сегодня - и уже известных, и только что родившихся - не перечислить в одной статье. Но не ошибусь, если среди самых замечательных за последние месяцы назову комитеты и общества солдатских матерей - тех самых, что сумели преодолеть политические барьеры и военные рубежи. Быть может, самоотверженная работа этих комитетов и их успех больше говорят об изменении самого мироощущения общества, чем многие декларации политиков.

Еще один итог - произошло некоторое самоопределение независимого женского движения. Особенно это стало ощущаться к концу 1994 года - началу 1995 года - период как нельзя более был насыщен конференциями и симпозиумами, как национальными, так и международными. Что вполне, кстати, понятно - началась широкомасштабная подготовка к Четвертой всемирной конференции женщин в Пекине. На некоторых конференциях мне хотелось бы остановиться, с тем чтобы попытаться хотя бы пунктирно обозначить движение независимых молодых российских инициатив в контексте развития страны и международного женского движения. Итак, в сентябре прошла грандиозная конференция "Народонаселение и развитие" в Каире - событие, оставшееся абсолютно непонятым большинством россиян прежде всего потому, что российская печать и ТВ попросту не сочли его достойным внимания. В этом номере вы прочтете подборку материалов о конференции. С другой стороны, масс-медиа молчали не так уж и случайно. Дело в том, что голос России был едва слышен в дискуссиях Форума, собравшего почти 20 тысяч участников со всех уголков Земли.

Следует признать, что официальная позиция России в Каире выглядела вполне достойно (в чем немалая личная заслуга принадлежит Е.Ф.Лаховой). Но вся беда в том, что проблемы, характерные для стран с так называемой "переходной экономикой" - то есть не сверхразвитых и не "развивающихся" - остались за бортом всеобщего разговора. Особенно обидно было это видеть в "негосударственной части" форума, где неустанно работали независимые организации многих стран, прежде всего американские (деятельность легендарной Белы Абзуг и Шарлотт Банч не могла не вызвать восхищения, а с другой стороны будила грустные раздумья о том, что российские женщины, в принципе, не менее активны и могли бы работать не хуже и не менее организованно). К сожалению, россиянок здесь почти не было - в том числе и в программе всей "негосударственной" конференции. Три организации, Московский центр гендерных исследований, Институт международных исследований семьи и Ассоциация журналисток, предприняли отчаянную попытку (иначе не назовешь) привлечь внимание к стране и в пожарном порядке сумели провести небольшую пресс-конференцию о состоянии репродуктивного здоровья в России. Хорошо, что на нее пришли члены официальной делегации - заместитель министра здравоохранения, работники представительных организаций, посвятивших свою деятельность планированию семьи. Но в целом Каирскую конференцию вполне можно считать еще одной упущенной возможностью начать серьезный разговор о России.

Следующие за Каирским форумом проходили в Европе. Это была Братиславская консультация негосударственных женских организаций Восточной Европы, Венская конференция европейских стран по подготовке к Пекину и Пражская консультация женщин села, каждая из которых внесла серьезный вклад в выработку концепций и постановку новых проблем (Венская конференция, состоявшая из официальной и "негосударственной" части, подготовила объемный документ "На пути к Пекину"). Мне бы хотелось отдельно сказать о консультации в Братиславе - и в первую очередь по той причине, что это была первая встреча очень молодых женских инициатив бывшего социалистического региона (присутствовали более 80 представительниц европейской части бывшего СССР, стран Восточной Европы и Кавказа). Встреча, не лишенная драматизма и показавшая наглядно, как необходим женский диалог в регионе, как велика потребность женщин, преодолевая первоначальное недоверие и многочисленные психологические барьеры, помогать друг другу. Очевидным стало и то, что у стран региона куда больше общего, чем казалось поначалу, в области "женских прав" - а точнее, женского бесправия, что проблемы бывшего социалгоса специфичны и требуют отдельного исследования. Не случайно в результате упорной работы были предложены рекомендации Европейскому форуму и сформулированы некоторые предложения и выводы. Лично для меня стало открытием то обстоятельство, что во всех без исключения странах одной из ключевых проблем сегодня стал вопрос взаимодействия женских инициатив и прессы. В результате встреч и дискуссий родилась новая

инициатива - создание Сети женщин-журналисток Восточной Европы - и было проведено первое вводное заседание актива будущей Сети. Тема была продолжена на симпозиуме Юнеско "Женщины и масс-медиа", состоявшемся в конце февраля-начале марта в Торонто. Подробнее об этом мы расскажем в следующем номере.

В конце октября состоялась конференция "От базовых потребностей к базовым стратегиям" в далекой Малайзии - симптоматично было то, что проблемы Восточной Европы возникли во время обсуждения с новой силой. В этом номере мы публикуем статью польской участницы разговора. Показательным стало и недостаточное представительство восточно-европейских женщин на конференциях и обсуждениях, которое затрудняет разговор. На повестку дня всерьез встал вопрос о формировании Восточно-европейского женского центра. Эта же тема усилиями в большой степени российских участниц поднималась и на мартовской 1995 года конференции негосударственных организаций ООН в Нью-Йорке. В России тем временем также шла работа.

В самом конце ноября состоялась всероссийская конференция, посвященная проблемам женской занятости. Подготовленная добротной, включающая выступления министров и общественных деятелей, конференция несомненно явилась событием - хотя бы потому, что наконец (и пяти лет, кажется, не прошло, как о явлении заговорили) - проблема женской безработицы была признана на серьезном государственном уровне. Вытекающий из дискуссии вопрос - а дальше-то что? - после закрытия конференции повис в воздухе, так как ни у участников, ни у гостей не возникло уверенности в том, что хорошие слова изменят практику федеральной службы занятости, министерств и тем более конкретных директоров заводов и фирм. Но вот следующая, декабрьская, встреча - Национальная конференция "Женщины и развитие: права, реальность, перспективы", вызвала у общественности, мягко скажем, легкое недоумение. И форма (чего стоило одно "музыкальное вступление" из песен "а ля" Людмила Зыкина - и это в разгар военного конфликта!), и содержание, не предусматривавшее живого обмена мнениями вне протокола - все вызвало в памяти славные застойные годы. Женщины, приехавшие в Москву из многих городов и регионов, не смогли скрыть разочарования, многие признались, что именно эта конференция открыла им глаза и показала, что "официальное женское движение" на самом деле довольно далеко ушло от интересов женщин, все больше тяготея к интересам номенклатуры нового образца. Буквально через несколько дней состоялась встреча представительниц "неформальной волны" - семинар "Стратегия независимого женского форума: до и после Пекина". Семинар собрал несколько десятков женщин, дал возможность участницам поделиться опытом, узнать о происходящем в стране и в мире. К сожалению - это также показала встреча - проблема недостатка информации, отсутствия реальной кооперации групп из разных регионов остается острой. Хочется верить, разрешить некоторые трудности поможет недавно созданный Информационный центр Независимого женского форума. Будем надеяться, что существующие межрегиональные группы - такие как "Конверсия и женщины", Ассоциация кинематографисток, Ассоциация журналисток, Информпроект и другие не забудут о регионах, что международные инициативы, такие как Консорциум женщин СНГ-США продолжают семинары в провинции. Журнал "Вы и Мы" в будущем предполагает помещать больше информации о работе женщин России, ее Севера, Юга, Сибири, Урала, о женщинах городов и сел, о всех тех, кто хочет и умеет работать, кому есть о чем рассказать.

Все прошедшие дискуссии и встречи (обо всех упомянуть просто нет возможности, их было много, очень разных) позволяют сделать четкий вывод - независимое женское движение в стране набирает силу, становится все более артикулированным и организованным, а главное выходит из "цехового подполья" на открытый диалог, вовлекая все больше и больше людей из самых разных слоев общества и регионов, людей, свободных от предрассудков, зависимости от старых структур, желающих жить нормально в нормальной стране. И именно поэтому становится ясно, что женское движение в России - реальная почва демократии, той демократии, которая вырастает "снизу" и преобразует конкретную жизнь конкретных людей - а стало быть, и всего общества.

Надежда Ажгихина.

Редакторы: Колетт Шульман, Катрина ванден Хувел, Надежда Ажгихина, Ирина Юрна.
Переводчики: Марина Литвинова, Ольга Меерсон, Виктор Радунский.
Набор и верстка: Виктор Радунский.

НАША ПОЧТА

Обычно письма наших читателей занимают немного места. В этом номере, в интересах продолжения диалога о различных путях феминизма, мы решили предоставить больше места для писем. Хотя письмо Анн Снитоу по существу представляет собой статью, мы помещаем его в этом разделе.

В редакцию "Вы и Мы"

Я очень внимательно прочитала материалы круглого стола "Российский и западный феминизм..." И мне очень понравилось выступление Н. Ажгихиной. Любый спор нужно начинать с определения терминов и понятий. Что такое феминизм и феминистки? Мне показалось, что далеко не все участницы дискуссии это понимают и уж, тем более, не все относятся к феминисткам по своим взглядам, хотя и включились в новое женское движение в России. И это движение сейчас гораздо важнее теоретических споров о сходствах и различиях феминизма у нас и у них. Ясно, что лозунг "Феминистки всех стран, объединяйтесь!" сейчас в России понят не будет. А вот призыв к женщинам сплотиться для организации женского движения, являющегося активной политической силой, способной вывести страну из кризиса, хаоса и войны, может найти достаточно широкую поддержку.

Матери мальчиков-солдат, отправленных на бойню в Чечню, возможно и слов таких, как "феминизм", не слышали. Найти друг друга для спасения своих сыновей их заставил чисто материнский инстинкт. Но объединившись, эти женщины почувствовали себя сильнее, получили возможность высказаться и быть услышанными правительством и всей страной.

Да, для феминисток США борьба за право женщин на аборт, которого их пытаются лишить, является одной из главных задач на данном этапе. Тема сексуальных преследований (так называемого "харасмента") переполняет американскую печать и телевидение. Права лесбиянок как меньшинства, сексистские отношения и т.д. - это все их злободневные проблемы. Но не совсем наши. По крайней мере, явно не первоочередные, и не теперь. Причем я вовсе не хочу сказать, что нам все это жить не мешает. Мешает, и еще как мешает! Но всему свое время. Настанет час, когда и российские женщины сосредоточат все силы на решении подобных вопросов. Но сейчас гендерная тематика чужда и не совсем понятна большинству наших женщин, как и само слово, взятое из иностранного языка.

Страну захлестнуло насилие: политические убийства, ограбления, бандитизм, изнасилования, - и женщины в числе многих жертв. К счастью, появились такие энтузиастки, как Наташа Гайдаренко. Но в обществе, где закон бессилен, эффективность немногочисленных служб типа Наташиной не очень высока. Таких служб должно быть несоизмеримо больше. И на них должны выделяться средства. Чтобы добиться этого, нужна мощная политическая организация, представляющая интересы женщин.

Сетовать по поводу отсутствия равноправия на рабочем месте между мужчинами и женщинами, когда сами рабочие места исчезают с каждым днем, не очень уместно. Причем статистика говорит, что безработица, в первую очередь, охватывает именно женщин. И вовсе не из-за каких-то сексистских отношений, а из-за того, что заняты были они в большинстве своем в тех бюрократических сферах или низкоэффективных отраслях, в которых ничего ценного и полезного для общества не производилось.

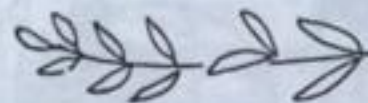
Да, теперь многие женщины "уходят в семью", чтобы воспитывать детей, приходя в себя от изнурительного "равноправия" по-советски. Но одновременно с этим растет число деловых женщин-предпринимательниц.

И я лично не вижу ничего страшного в том, что сократилось число женщин в высших эшелонах власти. И слава Богу, что исчезли марионетки, выдвигаемые по квотам. Зато те единицы, которые заседают в Думе, - это уже настоящие политики. В разных городах возникают новые женские организации и объединения по профессиональным интересам. И все они должны скоординировать свои усилия перед приближающимися в стране выборами, определить свое отношение к различным политическим партиям и лидерам. Только став влиятельной политической силой, широкое женское движение облегчит работу таких активисток, как Наташа Гайдаренко и ей подобных, заставит общество в целом по-новому взглянуть на так называемый женский вопрос со всеми его сложностями и противоречиями. Но для того, чтобы движение стало действительно массовым, нужны лозунги простые и доступные, затрагивающие насущные интересы наших пострадавших женщин.

Права женщин можно отстаивать только в правовом обществе.

Елена Иванова, исследователь, Москва.
Сейчас живет в Тонисвилле, Кентукки.

По поводу круглого стола "Российский и западный феминизм".

Дорогие участницы круглого стола и читательницы и читатели "Вы и мы"!

Прежде всего мне хотелось бы сказать, как я была счастлива и польщена тем, что мою статью о перспективах формирующегося феминизма в Восточной Европе обсуждали на круглом столе такие выдающиеся участницы и участники. Я полночи не спала, слушая магнитофонную запись устного перевода на английский этой многочасовой дискуссии, любезно сделанного для меня Колетт Шульман. Я была поражена, восхищена и многому научилась. Так что прежде всего примите мою бесконечную благодарность за этот диалог, бесценный для меня и для всех нас, участниц "Женской сети Восток-Запад", которых много и среди вас. Многообразие и разнонаправленность этого обсуждения подтверждают феминистскую точку зрения, что женские движения в целом, при своем многообразии, порождают и катализируют новаторские направления социальной мысли.

Прислушиваясь к вашим размышлениям, я испытывала тепло и сестринские чувства.

При всех различиях между нашими ситуациями, многие из обсуждавшихся вами тем обсуждались и обсуждаются и во многих направлениях (ибо их много, разных) женского движения в США. Вот несколько примеров, особенно поразивших меня:

Нас всех преследует вопрос, в каком качестве представлять себя обществу в целом. Надо ли говорить о "женском" - женском положении, женском вопросе, женских потребностях, помощи женщине - избегая слова "феминизм"? Говоря о "женском", мы тем самым избегаем стигмы ненавистного термина "феминизм", сложные причины которой нам всем известны. Ведь несмотря на вполне respectable и долгую историю термина, он не может не вызывать раздражения в обществах с понятной и такой устойчивой аллергией на всевозможные идеологии, - как будто социологические модели реальности - не неизбежность.

В США, главным образом, благодаря нашему собственному невежеству относительно нашей же истории в девятнадцатом веке, мы обсуждали, как нам себя назвать, и вообще вели себя так, как будто до нас никакого женского движения не было. В конце шестидесятых годов мы выбрали слово "жен-

ский" и назвали своё движение "Женским освобождением".

Тут же, однако, начались сложности со словом "женщины". Какие именно женщины, от чьего имени мы говорим? Чего женщины хотят? Правомочно ли объединять женщин в одну группу, несмотря на всевозможные разногласия и различия между ними? Не исключает ли понятие "женщины" всех мужчин-единомышленников, да и вообще, всю большую тему гендерной поляризации общества в целом? Обязательно ли все женщины примут модернистские приоритеты феминистских движений? Вскоре стало ясно, что упразднение понятия "феминизм" ничего не меняет. Само слово "феминизм", при всей спорности понятия, стало появляться всё чаще потому, что деятели этого нового движения все чаще говорили о политике по отношению к женщинам и мужчинам. У нас были именно политические идеи реорганизации основных социальных отношений. Понятие "феминизм" описывает не группу женщин, а мировоззрение, предполагающее недовольство существующим положением женщин в обществе, а также неверие в вечные и неизменяемые отношения между полами. Таким образом, в конце концов оказалось, что без этого слова многим деятельницам движения просто не обойтись.

Однако, вокруг этого слова двадцать пять лет спустя все еще идут бои. Афро-американка Белл Хукс, теоретик женского движения, утверждает, что "феминизм" предполагает образ жизни, неприемлемый для очень многих женщин. Кое-какие моменты стереотипа феминистки действительно существуют, другие - нет, однако по мнению Белл Хукс, "феминистка" - это не меньший ярлык, чем расово-национальная принадлежность, и он не меньше детерминирует образ и поведение носительницы. Я заметила, что кто-то в вашей дискуссии поднял вопрос о женском праве на субъективное, частное мнение и образ жизни. Хукс усматривает в феминизме белых женщин [в Америке] пренебрежение к чужой субъективности, т.е. вторжение в чужую частную жизнь, особенно когда феминизм претендует на то, чтобы быть последовательной идеологией, диктующей женщинам, что думать, делать, есть и пить, во что одеваться и с кем спать, разговаривать и отождествляться. Хукс приходит к выводу, что "феминизм" - полезное понятие только в том случае, если предполагается критика господства вообще, и что феминисткам следует сосредоточиться на том, как отвечать на любую форму социального господства в обществе, а не создавать некий клуб лишь для избранных просвещённых феминисток.

По многим подобным причинам слово "феминизм" никогда не пользовалось всеобщей популярностью у американок. Сейчас многие женщины не принимают этот термин во-первых потому, что понимают под ним идеологию "мужененавистниц", а во-вторых потому, что феминистками были их матери, и следовательно, как им кажется, феминизм устарел. Однако, при всей спорности термина, понятие "феминизм" уже необратимо преобразило

социальный дискурс в Америке. О феминизме не только написаны и продолжают писаться тысячи книг, о нём пишут и в газетах, передают по телевизору. В большинстве университетов есть академические программы, возникшие вследствие женского движения, -- хотя как правило, в их названии не фигурирует слово феминизм. Речь идёт о так называемых "женских исследованиях", а позднее - о "гендерных исследованиях".

Слово "гендер" ("пол" в социо-антропологическом аспекте - Прим. перев.) многим сейчас кажется предпочтительным, т.к. оно включает в себя проблемы и женщин, и мужчин, как двух социальных групп. Но и у него есть свои терминологические недостатки.

Сама нейтральность этого слова скрадывает тот факт, что для женщин эта тема более животрепещущая, чем для большинства мужчин. Так что мы опять возвращаемся на круги своя. Слушая запись перевода вашей дискуссии, я заметила, что и для вас она циклична, трудна, возможно, бесконечна и, повидимому, необходима. Слово "феминизм" и сейчас не теряет важности, жизненности и исторического резонанса. Однако, на месте феминизма не стоит, он всё множится, превращаясь в феминизмы. Как многие из вас отметили в дискуссии, западный феминизм не монолитен. Любое массовое движение включает разные, часто противоречивые идеи. Разные феминизмы представляют разные интересы и потребности, и само это многообразие - одна из причин живучести женских движений.

Это многообразие я заметила и в вашей дискуссии. Одни говорят, что цель феминизма - выйти за пределы разделения на мужское и женское, а другие - что русские жен-

щины больше всего нуждаются в поддержке, свободном времени и уважении именно как женщины, в традиционном смысле этого слова. Одни считают, что женская выносливость и трудоспособность свидетельствует о женском превосходстве, другие - что об угнетении женщин. Такие различия обычно в конце концов приводят к политико-стратегическим различиям, однако тут совсем не обязательно проявлять идеологическую последовательность. Чем больше женщины проявляют инициативу в разных направлениях, тем лучше.

Меня очень заинтересовало обсуждение элитарности и вождизма и их отношения к женщинам вообще. Вопрос лидерства в женском движении в Америке крайне болезненный.

Первые феминистские группы конца 1960-х годов относились враждебно к лидерству вообще и все проблемы самоуправления пытались решать полюбовными соглашениями. Однако, это часто приводило к тому, что одна феминистка назвала "тиранией бесструктурности". Как планировать процессы демократизации, как распределять работу и другие обязанности, а также как узнать мнение самых разных женщин, никак не принадлежащих к идеологической верхушке? Все эти вопросы до сих пор в центре внимания на феминистских дебатах в США.

Я многое узнала из вашего обсуждения личного и общественного. Здесь русский опыт практически противоположен американскому. В Америке мы стремились к тому, чтобы сделать частное большим достоянием общности, требовать от государства большего участия, тогда как вы говорите о необходимости большего "привласи", о возможности изъять ваши частные дела, субъективность и авторитет из сферы общественного контроля.

Из семейного альбома:

Анна, как всегда - с бумагами под мышкой. Анна с мужем Даниэлем, племянницей и племянником дурачатся перед объективом фотографа.

Подобные различия наводят на размышления о вопросе отношений между Востоком и Западом. Тут, как свидетельствует дискуссия, возникло существенное недопонимание. Некоторые из вас, кажется, решили, что мой перечень трудностей касается отношений между западными и восточными феминистками. Хотя я думаю, что такие трудности неизбежны даже между феминистками, я имела в виду трудности, с которыми сталкиваются восточноевропейские феминистки в своём собственном обществе (о русских см. ниже). Я хотела описать то, что сама Ася Посадская описала в конце дискуссии, в заключительном слове, т.е. ту или иную культуру в целом, часто безразличную или враждебную к оперирующему в ней феминизму. И на Западе, и на Востоке феминистки сталкиваются со сложным и многослойным неприятием того, что женщины могут быть политически значимой группой, что у них может быть автономия, общественная деятельность. Я пыталась проанализировать нынешнюю общепринятую аллергию на феминизм в бывших коммунистических странах, аллергию, которая так неимоверно затрудняет феминистскую деятельность и, как многие из вас заметили, настолько отчуждает откровенных феминисток от остального общества.

Возможно, само непонимание того, о чём я говорила и к кому обращалась, симптоматично и интересно. Мне не удалось найти то, что многие из вас называли в дискуссии общим языком. Может быть, одной из причин было то "ужасное", что некоторые из

вас в дискуссии называли "миссионерством"? Мне очень не хотелось бы, чтобы меня принимали за ещё одного типичного американского миссионера, проповедующего гамбургеры, компьютеры и патентованные идеологические рецепты! Однако именно такое чувство раздражения по отношению к американским феминисткам, повидимому, неизбежно. Попытки посочувствовать извне данной культуре часто неуклюжи и, что ещё хуже, могут восприниматься,

как покровительственные и обидные. Мы обожглись на истории по-разному. У нас разные ресурсы, знания и опыт. Существует напряжение, подобное отношениям между Востоком и Западом в феминизме, между белыми и чёрными феминистками, ведь последние заботятся о выживании и о необходимом и ценном союзе с чёрными мужчинами.

Такой союз белым феминисткам часто непонятен. Я однако разделяю выраженное некоторыми из вас убеждение, что мы все сёстры. В своё время я совершила много ошибок в организационной деятельности потому, что считала, что феминистское представление о том, кто такие "мы", чётко и надёжно определено и не подлежит сомнению. Эти

соперничающие между собой темы трудности отождествления и единства неизбежно появятся и у вас, развиваясь по своим законам.

Покуда я писала это письмо, мне надо было приготовить лекцию по истории феминистской теории для аспирантов, и я натолкнулась на отрывок об английских феминистках 19-го века, насаждавших в Индии британскую колонизацию, английскую имперскую цивилизацию. Была и такая страница в истории феминизма! Нередко феминизм был последней новостью, приносимой модернизированным колонизаторам колонизируемым. Однако при этом феминизм был и остаётся одним из существенных результатов освободительных движений 19-го и 20-го вв., развившихся из-за насущной необходимости изменить основные существующие социальные отношения. Это смешанное прошлое подрывает всякую мысль, что можно представлять феминизм в качестве единой и надёжной патентованной истины. Разные направления феминизма не предоставляют чёткого рецепта общественных изменений, а поднимают ряд вопросов. В лучшем случае, противоречивая история феминизма поможет людям в попытках создать действительно демократичное представительство, пересмотреть отношения между частной и общественной сферами, системы общественной помощи и т.п.

Кроме проблемы "миссионерства" со всеми вытекающими значениями, есть ещё два момента взаимного непонимания, - относительно места и времени. Во-первых, по поводу места. Многие из вас упомянули, что мои "перспективы феминизма" имели большее отношение к Восточной и Центральной Европе, чем к России. Вы правы. Я много думаю о том, какая тут разница, и она, безусловно, громадная, во многих отношениях. Однако мне хотелось бы сказать об одном отличии, т.к. это может объяснить, почему мой текст кажется мрачнее и негативнее, чем вы сами думаете.

Когда я работала в Восточной и Центральной Европе, многие феминистки выражали сопротивление феминизму, приходящему извне. Это было понятно. Считая, что Советский Союз им навязывает режим извне, они любую форму привнесённой извне идеологии воспринимали, как колонизацию. Некоторые полячки, чая вывода советских войск, говорили мне, что предвкушают момент, когда ни перед каким "центром за границей" им уже не надо будет отчитываться. Многие пошли дальше, по руслу постмодернизма, говоря, что ждут не дождутся, когда же они станут периферийными, маргинальными, что представлялось им безусловной ценностью.

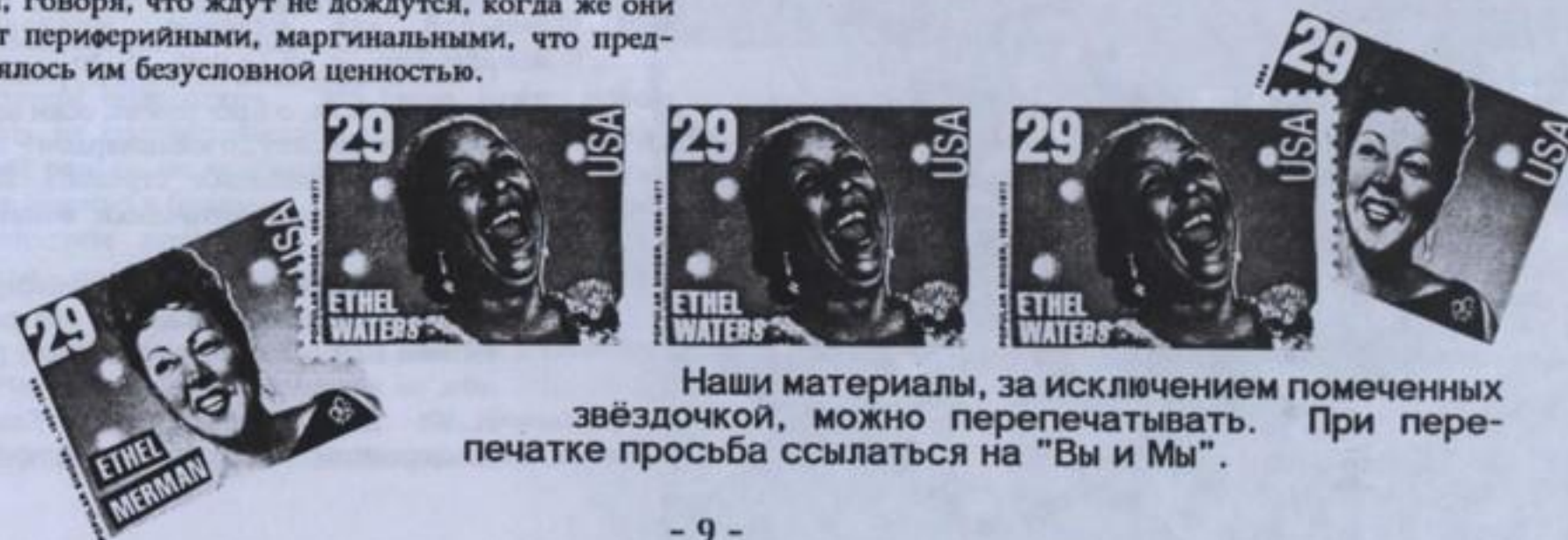
Ваш же круглый стол никакой оборонительной позиции по отношению к моему западному "миссионерству" не занимал, и никто раздражения по поводу возможно бесцеремонной "чужачки" не выказывал. Может быть дело в том, что русские и американские колонизаторы больше похожи друг на друга, чем на тех, кого они когда-то колонизировали? Тут я двигаюсь наощупь, и мне хотелось бы знать ваше мнение. Будь вы в России диссидентами, а мы в Америке бунтующими против существующего порядка, и мы, и вы ведь всё равно жили во чреве имперского зверя. Особенно это касается жителей городов, центров, по отношению к которым маргинальными чувствовали себя все остальные. Мы не привыкли оглядываться, направляясь оттого, что те, кто и на нашем языке-то не говорит, считают себя в праве диктовать нам, что делать.

Может быть это обобщение слишком грубое и потому бесполезно? Ведь многие и в России, и в Америке чувствуют свою маргинальность, живя в страхе и бедности. Однако жизнь в больших имперских державах, возможно, всё же налагает свой психологический отпечаток. Знаю я хорошо в качестве "Востока" Россию, а не Восточную Европу, по тону мои отношения в сфере "Восток-Запад", вероятно, сложились бы несколько иначе.

Теперь по поводу времени. Многие из вас отметили, что я говорю так, как будто в России женского движения не было. Я написала "Перспективы феминизма" в 1992-ом году, и сейчас кажется, как будто это было очень давно. Хотя я и благодарна Ирине Юрие за серьёзное отношение к поднятым мною темам и за то, что она до сих пор (на тот момент) находит их актуальными, история у вас движется сейчас такими неимоверными скачками, что совершенно изменила прежний контекст моих слов. Несмотря на все трудности, женские движения возникают повсюду в Восточной Европе и на Востоке. Я и прошу прощения, и, с другой стороны, очень довольна, что на сегодняшний день тон моего текста неуместен. Ваша деятельность поразительна.

Это письмо затянулось, но потому, что меня очень увлекла ваша дискуссия. Я надеюсь и на дальнейший обмен мнениями и приветствую вас всех.

Анн Снитоу,
"Женская сеть Восток-Запад".

Наши материалы, за исключением помеченных звёздочкой, можно перепечатывать. При перепечатке просьба ссылаться на "Вы и Мы".

It looked a little like panic when the Vatican summoned all 120 national ambassadors stationed at papal headquarters.

THE CAIRO CONFERENCE: THE STAKES, THE PLAYERS

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА КАК ЗЕРКАЛО ОБЩЕСТВА

В сентябре 1994 года в Каире состоялась конференция "Народонаселение и развитие" под эгидой ООН. Почти 20 тысяч человек из десятков стран приехали в столицу Египта для того, чтобы обсудить важнейшие проблемы современной жизни и выработать стратегию на будущее, и в центре многих дискуссий находился вопрос о репродуктивных правах, в том числе - о праве женщин на выбор. О конференции почти не писали в российской периодической печати - очевидно и потому, что многие полагают, будто в России такой проблемы, как проблема репродуктивных прав, нет. Едва ли с этим можно согласиться. В настоящей подборке материалов предлагаем вашему вниманию мнение двух участников Каирского форума - члена официальной делегации, известного политика Екатерины Лаховой (она дала интервью нашему корреспонденту Н.Ажгихиной вскоре после окончания конференции), и участника встречи негосударственных организаций Андрея Попова. Конечно, этими публикациями разговор не исчерпывается, и мы надеемся в будущих номерах его продолжить.

ЖЕНЩИНЫ ДОЛЖНЫ ПОМОЧЬ СЕБЕ САМИ

(Беседа с Екатериной Лаховой, депутатом Государственной Думы, председателем парламентской фракции "Женщины России", руководителем Комиссии по делам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации).

Н.Ажгихина: Расскажите о работе возглавляемой вами Комиссии по делам женщин, семьи и демографии при Президенте РФ.

Е.Лахова: До того, как была создана Комиссия, я два года проработала советником Президента. Это время дало очень многое, и прежде всего - понимание того, что создание подобной структуры необходимо. Сам статус Комиссии указывает на то, что

Президент придает большое значение проблемам женщин. Соответственно, его представители на местах обязаны тоже уделять им внимание. Мы рады, что именно на местах уже достигнуты некоторые успехи. Комиссия не может ставить задачей консолидацию всех женщин и женских организаций, наше дело - сориентировать местные органы, передать информацию. А также - доводить до сведения руководства страны актуальные проблемы женщин. Нами был подготовлен доклад о положении детей в Российской Федерации, доклад о положении семьи в Российской Федерации. Очень рада, что весной 1993 года был принят Указ Президента о первоочередных задачах политики в отношении женщин. Недавно принята Президентская программа планирования семьи - впервые за всю историю нашей страны задачи будущего семьи получили приоритетное звучание на таком высоком уровне. К сожалению, общественное мнение у нас нередко отстает от государственного понимания проблем.

Не только в регионах, но и в столице. Не уверена, что половина парламента знает, что такое планирование семьи. Поэтому наша первая цель - просветительская, информационная. Очень нужна здесь помощь журналистов. **Н.А.:** Кстати, о программе, если не ошибаюсь, ее бюджет 26 миллиардов - весьма скромный в масштабе страны. Каковы дополнительные источники финансирования?

Е.Л.: Невозможно все профинансировать из государственной казны. Мы рассчитываем на финансовую поддержку регионов, на местный бюджет.

Н.А.: Есть мнение, что на Каирской конференции была возможность вклю-

читься в выполнение ряда международных программ и привлечь внимание к проблемам российского здравоохранения женщин. Эта возможность была упущена.

Е.Л.: Конференция для нашей страны не имела никакого значения. В основном разговор шел об аборт, о праве на него в странах, где существуют запреты.

Для нас это не актуально.

Н.А.: В редакцию приходит немало писем от женщин, возмущенных высокой платой за аборт - как это не раз бывало, руководители Минздрава без обсуждения ввели плату (явочным порядком). Какая позиция вашей комиссии в этой связи?

Е.Л.: Аборт был одной из первых медицинских услуг, которые стали у нас в стране платными. Наша позиция однозначна: аборт должен быть легальным, безопасным и бесплатным. Кстати, где число аборт невелико, операция делается бесплатно. И контрацептивные средства женщина получает бесплатно. Но с нашим Министерством Здравоохранения трудно работать - проблема здоровья матери и ребенка, женское здравоохранение не является для него приоритетным направлением. Знаю, что в некоторых регионах по решению местной администрации запрещены платные аборты и роды. В основном же, нет. Мы будем продолжать борьбу за бесплатную операцию. **Н.А.:** Как мне известно, комиссия немало сделала для того, чтобы привлечь внимание руководителей страны и общественности к проблеме женской занятости.

Е.Л.: Мы много времени и сил потратили, убеждая Федеральную службу занятости в том, что женская безработица - отдельная проблема, требующая специального подхода. Очень сложно было работать и с Министерством труда. Сейчас, мне кажется, руководители этих ведомств поняли важность преодоления именно женской безработицы.

Еще одно важнейшее направление для нас - это поддержка семьи. Закончился год семьи, в проведении которого мы активно участвовали, впереди две большие конференции о семье и о сексуальном воспитании подростков. Это очень важно сейчас осознать на государственном уровне - проблема, о которой раньше не говорили и от решения которой многое зависит в будущем. Следующая тема, которой предполагаем посвятить значительное время в будущем - проблема насилия, в том числе насилия в семье.

Н.А.: Тема, которая у многих вызывает непонимание.

Е.Л.: Мы очень отстали от большинства цивилизованных стран в этих вопросах, мы не имеем

практики обсуждения, не имеем информации, не знаем, куда - надо образовываться, догонять. **Н.А.:** У многих наших соотечественников западные "прививки" вызывают неприязнь. Можно заметить, что в некоторых газетах слово "феминистка" употребляется исключительно с иронией, а западная феминистка предстает символом некоего вселенского зла, заменив совковому мышлению привычный образ врага.

Е.Л.: Феминизм бывает разный, радикальный, более мягкий. У нас в России скорее всего будет свой особый вариант, ближе к центристскому.

Н.А.: В России впервые в мире было декларировано равноправие женщин семьдесят с лишним лет назад. Почему же наши соотечественницы живут хуже, чем в других странах? Что мешает, по-вашему?

Е.Л.: Они сами, прежде всего. Когда меня спрашивают, с кем нужно прежде всего работать для того, чтобы женщинам лучше жилось, я говорю - с

самими женщинами. Необходимо женское образование, просвещение, обмен информацией. Тогда придет понимание проблем, осознание необходимости солидарности. Наша женщина сдавлена тяжелым бытом, заботой о семье. Девяносто процентов населения России живет в семье, из них почти 15 процентов - семьи неполные. Женщина и работает, и выполняет основную нагрузку дома, наши мужчины неважные помощники. Иногда просто нет времени на то, чтобы что-то новое узнать. И все-таки. Женщинам нужно понять, что

их судьба зависит непосредственно от их активности и сплоченности. От того, насколько громко их голоса прозвучат на уровне государства, от того, сколько среди них лидеров. Нужно понять, что политика - это не только участие в парламенте, но и все, что их окружает - плохо вымощенная улица и неказистый детский сад, комната психологической разгрузки в доме и библиотека - это все тоже политика. Женщины могут реально изменить жизнь в стране - они в отличие от мужчин более конкретны и последовательны в своих начинаниях, не склонны говорить часами "вообще".

Н.А.: Говорят, что женщины по природе своей консервативнее мужчин, то есть не склонны к экстремизму. Считаете ли вы, что участие женщин в политической жизни будет способствовать стабилизации ситуации, сыграют роль "центра"?

(Фотографии сделаны Сергеем Петрухиным в родильном доме подмосковного города Люберцы. Роддом не совсем обычный - сюда со всей Московской области приезжают женщины с заболеваниями сердца и сердечно-сосудистой системы. А самое главное - сегодня здесь отсутствует такой страшный показатель, как "материнская смертность").

РЕПРОДУКЦИЯ И ВЫБОР: РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ

(выступление на пресс-конференции
в журнале "Огонек")

Андрей Попов, Институт между-
народных исследований семьи

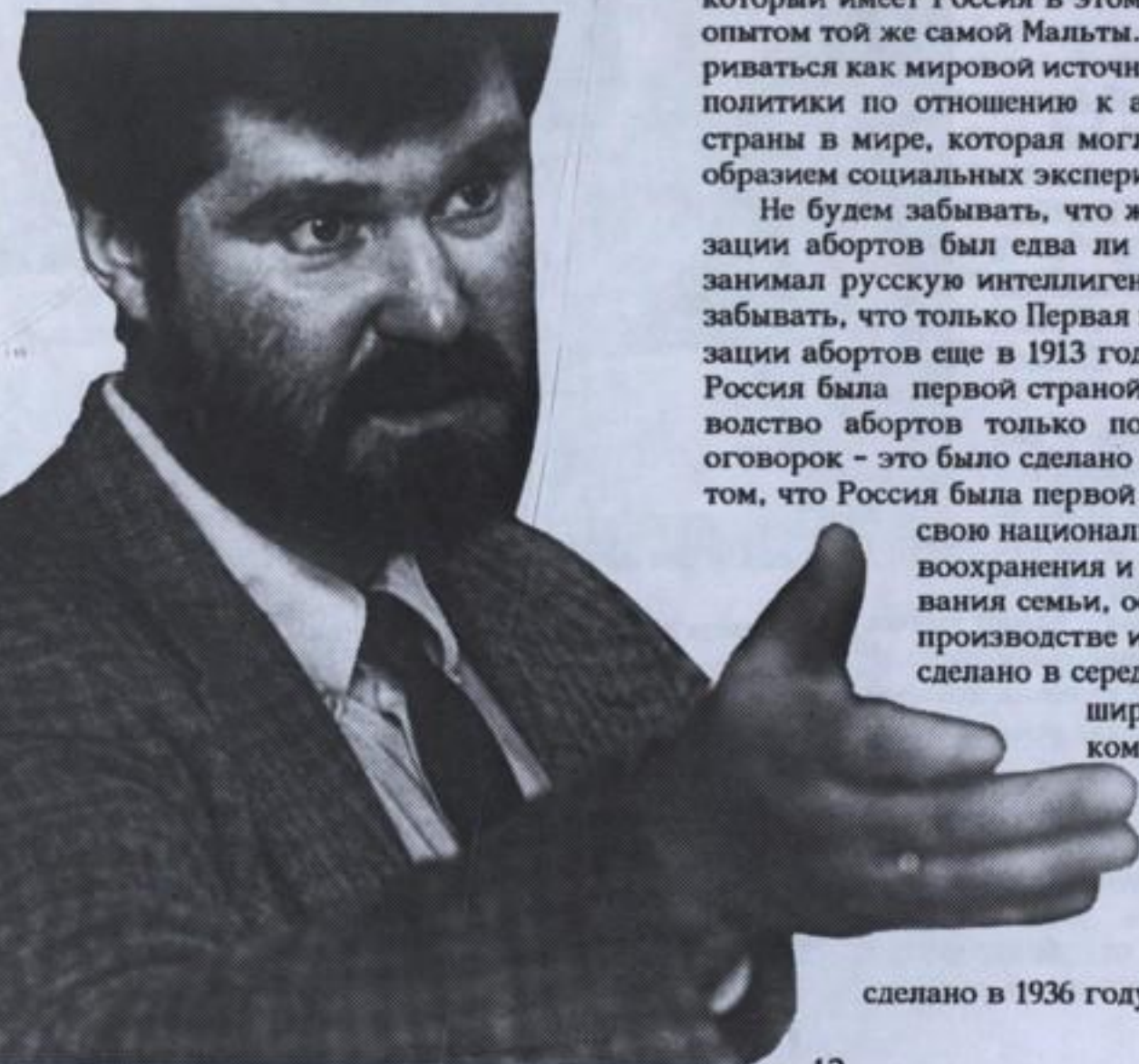

Фото Марка Штейнбока

Е.Л.: Не сомневаюсь, что присущий от природы здравый смысл поможет удерживать коллег-мужчин от экстремистских шагов, стабилизировать жизнь в стране, обратить политику лицом к человеку. Но для этого надо иметь адекватное представительство. Я - за квоту, хотя бы тридцать процентов. Раньше квота была формальной, сейчас необходимо привлечь активных новых политиков-женщин.

Н.А.: А кто является примером-ориентиром для вас?

Е.Л.: В Каире мы познакомились с премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брутланд. Замечательная женщина, в прошлом тоже врач, как и я. Из известных лидеров меня привлекала всегда фигура Маргарет Тэтчер. Многим она не нравится - говорят, она не женственная, жесткая. Но мне кажется - госпожа Тэтчер всему миру показала, что может женщина, когда вступает в большую политику.

Самым главным, и огорчившим меня впечатлением от Каирской конференции хотел бы назвать то, что голос России был услышан слабо. Россия - большая и значительная в мировых масштабах страна, и мы в своем небрежении самими собой часто об этом забываем. Тем не менее, когда видишь и слышишь, что Мальта имеет больший вес и ее позиции внимают с большим вниманием, - это немножко огорчает. Дело не в амбициях, связанных с размером страны. Дело в том, что опыт, который имеет Россия в этом вопросе, конечно, несоизмерим с опытом той же самой Мальты. Россия может и должна рассматриваться как мировой источник опыта в области формирования политики по отношению к абортам. И нет никакой другой страны в мире, которая могла бы похвастаться таким разнообразием социальных экспериментов в этой области.

Не будем забывать, что женский вопрос и вопрос легализации аборт был едва ли не основным вопросом, который занимал русскую интеллигенцию на рубеже веков. Не будем забывать, что только Первая мировая война помешала легализации аборт еще в 1913 году. Не будем забывать о том, что Россия была первой страной в мире, легализовавшей производство аборт только по желанию женщин безо всяких оговорок - это было сделано в 1920 году. Не будем забывать о том, что Россия была первой страной, которая начала строить

свою национальную модель общественного здравоохранения и национальную модель планирования семьи, основанные на широко масштабном производстве искусственных аборт - это было сделано в середине 20-х годов, - в том числе

широкомасштабным вовлечением коммерческого сектора. Не будем забывать, что Россия была первой страной в мире, которая после этого смогла себе позволить абсолютно запретить производство аборт по социальным показаниям - это было

сделано в 1936 году, - в результате чего, во-первых,

все аборт стали криминальными, а во-вторых, вся эта огромная национальная индустрия производства аборт перешла на нелегальное положение. В результате этого Россия приобрела колоссальный опыт - во-первых, нелегального производства аборт в национальных масштабах, а кроме того, большинство русских женщин приобрело опыт производства нелегальных, внебольничных - в ряде случаев, и криминальных - искусственных аборт. Не будем забывать о том, что Россия - единственная страна в мире, которая позволила себе повторно легализовать производство аборт - в 1955 году. Не будем забывать о том, что Россия организовала настоящую войну против контрацепции - в начале 70-х годов. Вспомним о том, что Россия была той страной, которая организовала настоящую войну против концепции планирования семьи на официальном уровне - в начале 80-х годов. И наконец, вспомним о том, что Россия является единственной страной в мире, которая официально признала концепцию планирования семьи, в которой существует национальная ассоциация планирования семьи, международно признанная, - в самом начале 90-х годов, в 1990-91 г.г.

О чем говорит этот опыт? Во-первых, сам по себе такой послужной список уникален. С другой стороны, весь этот опыт есть печальная история того, как власти использовали абортное законодательство, в частности, и демографическую политику - в целом, в качестве своеобразного инструмента для достижения своих собственных целей. Это были политические цели - в 20-е годы; это были военные цели - в 30-е годы. В 20-е годы это были и экономические цели тоже, потому что необходимо было раскрепостить женщину, в условиях индустриализации откуда-то взять новые рабочие силы; эти рабочие руки - женские руки, но для этого женщину нужно было сделать бездетной, по крайней мере - малодетной; искусственный аборт в то время технологически был единственным вариантом достижения этой цели.

В целях повышения рождаемости аборт легализовался в 1956 г., в целях повышения рождаемости проводилась война против контрацепции в 70-х годах. Это была непрерывная история манипулирования абортным законодательством ради демографических, экономических, политических целей. Но за словами "демографическое манипулирование" стоит другая реальность - это манипулирование женщинами, манипулирование их поведением. Это та ситуация, когда решение за женщину принимают власти. В чем состоит смысл планирования семьи? Право на свободный и ответственный репродуктивный выбор. Его забирают у женщин другие - это может быть Минздрав, это может быть Политбюро.

Именно поэтому меня огорчило то, что голос России был так слаб. И именно поэтому я так радовался новой концепции ООН, когда на международном уровне была признана необходимость - и это было очень эффективно продемонстрировано, как это можно делать, - вовлечение самих людей в формирование национальной политики в области либо

аборт, либо планирования семьи, либо демографической политики, либо социальной политики в целом. Да, конечно, люди сами должны участвовать в формировании национальной политики, и история нашей страны показывает, что это необходимо, потому что власти это делают плохо, они этого не умеют. С другой стороны, плохо, аморально, когда кто-то за человека принимает решение - пусть оно даже и будет хорошим: человек сам должен решать, что ему делать, и нести за это в полной мере ответственность. Но в условиях нашей страны это делалось и делается до сих пор и делается плохо. Поэтому идея вовлечения самого населения, женщин, в виде их представителей, которыми считаются самые разнообразные неправительственные, негосударственные организации, очень хорошая, и, как показал опыт Каирской конференции, очень эффективная. Поэтому я очень рад тому, как завершилась Каирская конференция. Это, действительно, победа, что аборт признан в качестве полноправного метода регулирования рождения. Победа, что подтверждено право на ответственный и свободный репродуктивный выбор.

Наверное, вся эта история свидетельствует о том, что нам надо активнее, шире включаться в борьбу за свои репродуктивные права, потому что, если дело будет продолжаться так, как оно продолжалось до сих пор - допустим, как оно продолжалось в прошлом году, - то можно привести такой пример: я говорил приблизительно десять минут, за эти десять минут было произведено 57 аборт, за те полчаса, которые мы с вами будем говорить, в нашей стране будет произведено 172 аборт; и если все будет продолжаться по-прежнему, то за сегодняшний день в нашей стране - можете не сомневаться - от осложнений, от искусственных аборт должна будет умереть, по крайней мере одна женщина.

-----0000000-----

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ ВЫБОРА В ПОЛЬШЕ

Урсула Новаковска

После краха коммунизма в Польше многие мечты и чаяния о лучшей жизни сбылись, выросли и возможности для самореализации. Но хотя демократические и рыночные реформы принесли много позитивных сдвигов, имеются и отрицательные последствия. Особенно резко это сказалось на правах женщин и их социальном статусе. В Польше благодаря сильному влиянию католической церкви больше всего подверглось ущемлению право женщины на свободу репродуктивного выбора, т.е. на право распоряжаться своим телом.

В Польше более тридцати лет существовали очень мягкие законы в отношении репродуктивных прав женщин; фактически, каждая женщина имела право делать аборт, если беременность не превышала трех месяцев. Парадоксальная ситуация: одним из первых шагов демократизации

стали нападки на закрепленное законом право женщин планировать размеры семьи.

Кампания запретить аборт началась в 1989 году, когда в последний

коммунистический парламент был внесен законопроект, запрещающий аборт, одобренный самим Папой. С тех пор появились другие законопроекты, причем некоторые требовали тотального запрещения абортов. Тем временем в административном порядке было введено ограничение права женщин на аборт, в результате чего погибло три женщины. Кампания церкви против абортов была хорошо организована - вглубь и вширь. Католикам, которые отказывались подписывать петиции, грозили недопущением к причастию. Активисты собирали подписи в школах. Детям показывали "Бессловесную мольбу" и затем их просили подписать петицию "в защиту своих младших братьев и сестер". "Поблагодари своих родителей за то, что тебя не убили", - сказал один священник семилетней девочке. Так называемая "общественная дискуссия об абортах" проводилась с помощью бессовестных манипуляций и шантажа со стороны церковных деятелей. Тех, кто выступал за право на аборт, называли сталинистами, а сами абортыв сравнивались с Холокостом. Под давлением церкви несколько врачей дали обязательство "не убивать невинных младенцев". Их верность церкви заходила иногда так далеко, что они отказывались даже выписывать контрацептивы.

Окончательный вариант антиабортного закона, вошедшего в силу 16 марта 1993 года, является наряду с ирландским, самым строгим законом в Европе. По этому закону аборт может производиться только в государственных больницах, когда жизни и здоровью матери грозит серьезная опасность, в случаях неустрашимых пороков плода или если беременность наступила в результате изнасилования или инцеста, о которых было заявлено в полицию. Пренатальное обследование допускается только в тех случаях, когда имеются серьезные генетические нарушения.

Недавно были получены данные, что принятие этого закона не уменьшило число абортов в стране. Изменилась только их стоимость, да еще делают их теперь либо в частных гинекологических кабинетах в самой Польше, или за рубежом и за очень высокую плату.

Важно отметить, что практика осуществления этого закона гораздо хуже самого закона. Государственные больницы, единственное место, где разрешается делать аборт, часто отказывают женщинам, даже если беременность грозит их здоровью. Женщинам приходится преодолевать огромные трудности, чтобы получить разрешение на аборт по медицинским показаниям. Многие получают отказ несмотря на явные признаки физического или психического нездоровья. Врачи, особенно в небольших клиниках, боятся направлять пациенток на обследование. Зарегистрировано несколько случаев, когда женщина чуть не умерла из-за несвоевременно сделанного аборта. Известен ужасный случай, когда женщине не разрешили аборт, хотя плод в ней был уже мертв. Не разрешили аборт женщине 41 года, слепой, страдающей эпилепсией, хотя было заключение двух врачей о необходимости аборта по медицинским, в том числе генетическим показаниям. Разрешение не дал директор Варшавской клиники, сказав, что таким женщинам не надо спать с мужем. А один врач, отказавшись делать аборт в государственной больнице, предложил той же женщине сделать аборт частным образом за 700 долларов. Подобных случаев зарегистрировано много, и незарегистрированных, конечно, не меньше.

Женщинам, забеременевшим в результате насилия, тоже трудно получить у прокурора документы, дающие право на официальный аборт. Матери, чью 20-летнюю дочь изнасиловал начальник, заявили: "Ваша дочь старше 15 лет и должна знать, что подобные вещи случаются".

Из-за того, что в Польше так трудно получить разрешение на аборт, многие женщины едут за границу, богатые - на запад, бедные - на восток. Бизнес таких туристских поездок процветает. Стоимость абортов колеблется от 1000 долларов и выше на Западе, до 500-700 долларов в Польше, и до 200 долларов в восточных странах.

Газеты полны объявлений, в которых польские врачи предлагают "полный комплекс медицинских услуг", где "полный комплекс" эвфемизм,

означающий "включая аборт". Преодолев страх и сделав первый аборт, и частные врачи и работающие в государственных клиниках, стали в дальнейшем широко заниматься этой противозаконной практикой. Для уменьшения риска выработана даже особая тактика - первый врач, к которому обратилась пациентка, посылает ее к своему коллеге, который делает аборт. Риск компенсируется взиманием очень большой платы. Плата меньше, если аборт делается без гарантий, что женщина на всю жизнь не станет бесплодной.

Те женщины, у которых нет денег платить за аборт, прибегают к различным домашним способам, что для многих кончается больницей, где им делают выскабливание. Трудно подсчитать количество домашних абортов и оценить вред, который они наносят здоровью женщины. Тем не менее статистика отмечает рост числа женщин, поступивших в больницу по поводу выкидыша, спровоцированного домашним абортом. Участились также случаи убийства и подкидывания новорожденных.

Заслуживает внимания и тот факт, что действует только запретительная часть антиабортного закона. Предписания, которые диктует закон властным органам, используются очень строго. Материальная же помощь беременным женщинам в этой трудной финансовой ситуации оказывается в минимальных размерах и ограниченном числе женщин. К тому же в стране не существует центров, знакомящих женщин с их правами, причитающимися им льготами и пособиями, недоступна им информация об абортах. Отсутствует также служба оказания социальной и психологической поддержки.

Борьба с правом на аборт идет в широких масштабах, наступление ведется не только против абортов, но и против контрацептивов и сексуального просвещения. Католическая церковь в Польше относится к противозачаточным средствам так же нетерпимо, как и к абортам. Под давлением церкви правительство отменило субсидии на приобретение противозачаточных таблеток и дотаций центрам, разрабатывающим стратегию планирования семьи. Надо также отметить, что добровольная стерилизация не считается приемлемой альтернативой и наказуема законом. Под влиянием католической пропаганды многие фармацевты, называющие себя "лекарями жизни", отказываются продавать контрацептивы. Только после меморандума министерства здравоохранения противозачаточные средства стали продаваться во всех аптеках. Они, однако, не всегда высокого качества и так дороги, что доступны не всем женщинам. Из-за полного отсутствия сексуального просвещения и в результате католической пропаганды только 12% населения применяют надежные противозачаточные средства. Свыше 40% никогда не пользовались никакими контрацептивами. Многие женщины говорят, что контрацептивы им не по карману. Другие идут на риск случайной беременности и последующего аборта, только бы не прибегать регулярно к контрацептивам,

запрещенным церковью. Женщины часто жалуются, что врачи не хотят знакомить их с существующими противозачаточными средствами и отказываются их выписывать. Согласно информации, которая поступает с горячих линий, введение ограничительных репродуктивных законов способствует росту сексуального насилия, так как женщины из страха забеременеть отказываются иметь секс или требуют, чтобы мужчина использовал презерватив.

Мы питали надежду, что левое правительство и Парламент, избранный год назад, будут более отзывчивы к нуждам женщин и соблюдению их прав. Но предвыборные обещания оказались очень скоро забытыми, и поправка, выработанная женской парламентской фракцией для смягчения антиабортного закона, полгода не обсуждалась. Когда же поправка, в которой перечислялись социальные причины необходимости абортов, успешно прошла большим числом голосов в обеих палатах, Президент наложил на нее вето. А во время голосования за отмену президентского вето многие депутаты, только что поддержавшие поправку, проголосовали против отмены. Как это могло произойти? Неужели всего за несколько недель они изменили свой взгляд на диаметрально противоположный? Конечно, нет. По их словам они голосовали против, чтобы не усугублять политический кризис, ведь президент мог второй раз наложить вето. Но скорее всего на них надала церковь.

Хотя католическая церковь в нашей стране - наименее популярный общественный институт, и ее политические силы не представлены в Парламенте, дух церкви, как важнейшего фактора, действующего на политической арене, по-прежнему очень силен.

Где же выход из создавшейся ситуации у польских женщин? Президент заявил, что он никогда не подпишет ни одного закона, который дал бы женщинам большую свободу при решении репродуктивных проблем. Одни говорят, что надо ждать нового президента, и надеются, что он (или она) не будет противником абортов. Другие предлагают провести референдум. Но беда в том, что хотя референдумы предусмотрены конституцией, у нас нет узаконенного механизма их проведения.

Я сама участвую в лоббировании конституционных поправок, гарантирующих право женщины на аборт. Хотя сейчас трудно сказать, добьемся ли мы успеха, я уверена, что во время парламентских дебатов о поправках мы не упустим возможности выдвинуть идею, что репродуктивные права - неотъемлемая часть основных человеческих прав. Со своей стороны церковь тоже потребует конституционных гарантий права человека на жизнь с момента ее зачатия. Я не сомневаюсь, что в конце концов мы победим в этой борьбе, и в Пекин на международную женскую конференцию мы приедем с более оптимистическими новостями.

Репродуктивная автономия - это принцип, лежащий в основе присущего отдельному индивиду права самому принимать решения в вопросах сексуальности, беременности, прерывания беременности, планирования семьи. В обществе, основанном на принципе репродуктивной автономии, человек сам решает, иметь ли детей, и если иметь, то сколько и с каким партнером, выбирает способы осуществления принятого решения (для этого в его распоряжении контрацептивы, информация, сексуальное просвещение, консультативные центры). Репродуктивная автономия осуществляется в рамках законов и подзаконных актов, обязательных для отдельных граждан, семьи, общества, например, семейное право, правовой статус женщин (право иметь кредитную карту, право собственности и т.п.), правила применения контрацептивов, производство абортов.

Репродуктивные права - это "юридические категории, отражающие тот принцип, что женщины, а также мужчины должны сами распоряжаться репродуктивными аспектами своей жизни". Репродуктивное право родилось в недрах двух международных движений - демографического и в защиту прав и здоровья женщин. Озабоченность быстрым ростом народонаселения земли, особенно южных регионов, побудила выработать положения репродуктивного права, в которых делается упор на регулирование рождаемости (количество детей и интервалы между ними); на государства стало оказываться давление для принятия эффективных мер, направленных на ограничение рождаемости, и разработки программ планирования семьи.

Женское движение, защитники здоровья женщин и в развитых странах, и в промышленно отсталых решительно поддерживают концепцию "репродуктивное право одно из неотъемлемых человеческих прав", ставя во главу угла общее благополучие женщин и их право распоряжаться своим телом и сексуальностью. В Декларацию, принятую в 1974 году на международной конференции женщин в Мексико-Сити, включено право на репродуктивную автономию. Конференция в Найроби (1985 год) провозгласила репродуктивные права важнейшим условием завоевания женщинами равноправного статуса в обществе. Однако эти права не получили надежных правовых гарантий. Многие годы они были и остаются одним из направлений той борьбы, которая ведется за полное признание женских прав составной частью фундаментальных прав человека.

На женщинах лежит ответственность за воспроизводство рода человеческого и связанные с этим тяготы в силу определенных биологических свойств (детородная функция) и социально закрепленных ролей (хранительница устоев общества и домашнего очага). И при этом женщины зачастую не признают способными принимать решения в репродуктивной сфере. Женской репродуктивной жизнью распоряжается не только партнер-мужчина, семья, но и государство. Сторонники и противники ограничения рождаемости ведут полемику, делая ставку на жизнь женщин. С одной стороны требуют запретить контрацептивы и аборты, что грозит женщине - беременной - не только инвалидностью, но и преждевременной смертью. С другой стороны демографы призывают женщин ограничить рождаемость во имя общественного блага - экономического прогресса или защиты окружающей среды.

Спустя двадцать два года после принятия в США закона, разрешающего аборт, это по-прежнему один из самых острых вопросов, волнующих общество. А в последнее время растет число актов насилия со стороны его противников.

В конце 1994 года в пригороде Бостона в двух разных клиниках были убиты две женщины. Подозреваемый - 22-летний молодой человек, по словам соседей - тихий, замкнутый и очень религиозный. Он ездил по улицам пригорода в небольшом грузовичке, на кузове которого был укреплен плакат с изображением плода, извлеченного из матки. Подозреваемый объяснил, что это Иисус Христос. Согласно статистике, государственной и частных клиник, за последние 12 лет было зарегистрировано 123 случая пожогов, 37 взрывов бомб в 33 штатах и более 1500 случаев преступных нападения, диверсий, взломов, совершенных противниками абортов. Врачи и медперсонал четверти буквально всех клиник сообщают, что им неоднократно угрожали смертью.

В большинстве случаев нападения подвигаются не те клиники, где врачи большую часть рабочего дня отдают абортам, а те, где женщины получают обыкновенную гинекологическую помощь, обучаются методам контрацепции за рождаемость и печатая от передаваемых половым путем болезней.

Положение в этих штатах сложилось для женщин тяжелое и с точки зрения политическое, правовое и просто личное. Доктор Кейт Майклмен, президент Национальной лиги в защиту прав на аборт и репродуктивной автономии. - Над репродуктивным правом нависла серьезная опасность. Двадцать два года спустя после того, как Верховный суд принял свое эпохальное решение, она залась, что мы движемся не вперед, а назад".

По словам официального представителя лиги имеется достаточное количество фактов, говорящих о том, что люди готовы защищать свои убеждения любыми средствами. В прошлом акты насилия совершались в отношении собственности, сейчас они совершаются в отношении людей. Один из врачей штата Арканзас так характеризует происшедшую перемену: "Раньше протестующие ходили мимо больниц с плакатами и в общем вели себя тихо. Теперь в каждом втором предложении слышно слово "убить". С криками и угрозами они требуют, чтобы пациентки не убивали своих детей. Пациентки возле больниц предупредили меня, что к такой-то дате умру".

Почти все лидеры движения против абортов за последние десятилетия и объявили о своей непричастности к нему. Преподобный отец Патрик Макоки, глава Коалиции защиты христианства, заявил, что ее активисты - сторонники насильственных действий. Однако экстремисты имеются в каждом движении. "Я думаю, что экстремисты, борющиеся против абортов, - говорит Патрик Макоки, - чувствуют, что проигрывают сражение и в бессильной ярости считают своим долгом применение насилия". Женские клиники повсеместно - их в стране насчитывается 4000, из них приблизительно в 900 депают аборты - вынуждены прибегать к особым мерам безопасности. Лидеры движения в защиту репродуктивных прав говорят, что министерство юстиции депают недостаточно для защиты клиник от насильственных действий, посланная федеральные наряды охранять те клиники, где положение особенно серьезно. В середине января сенатор Барбара Боксер от штата Калифорния внесла резолюцию, призывающую Генерального прокурора усилить федеративные законы, обеспечивающие защиту женских клиник, и Сенат одобрил ее 99 голосами.

Сенатор Боксер говорит, что она две недели добивалась от лидера республиканского большинства сенатора Доула разрешения внести эту резолюцию. "У республиканцев своя программа, а моя резолюция не является одним из пунктов их Договора с Америкой".

(По материалам газет New York Times и Washington Post)

Право женщины на репродуктивную автономию непосредственно влияет на осуществление других прав: гражданских, политических, экономических, социальных. Тогда как завоевание этих последних не дает безусловной гарантии осуществления репродуктивного права.

Охрана здоровья женщины - неотъемлемая часть охраны здоровья вообще, в этом она нуждается на протяжении всей жизни. Здоровье женщины - залог здоровья детей и ее сексуального партнера. Поскольку главная забота женщины - здоровые детородные органы, то зачастую она в первую очередь обращается к специалистам именно в этой области, и для многих это единственная медицинская помощь, которую она получает.

Abortion Sued in Death Of Doctor In Florida

By TAMAR LEWIN

In an unusual lawsuit filed yesterday in Florida, a leading civil rights lawyer is seeking to hold an anti-abortion leader and his organization liable for the death of Dr. David, who was shot in March 1993 at the Pensacola abortion clinic.

The lawsuit, filed on behalf of Dr. David's children, triggers the possibility that the abortion leader and his organization could be held liable for the death of Dr. David.

The lawsuit, filed on behalf of Dr. David's children, triggers the possibility that the abortion leader and his organization could be held liable for the death of Dr. David.

The lawsuit, filed on behalf of Dr. David's children, triggers the possibility that the abortion leader and his organization could be held liable for the death of Dr. David.

Возможность регулировать размеры семьи, в том числе с помощью презервативов, трудно переоценить для сохранения здоровья женщин. 90% репродуктивного периода жизни женщины либо старается вообще больше не беременеть, либо забеременеть в определенный срок. Поскольку женщина беременна всего 10% этого периода или стремиться забеременеть, из 58 миллионов американских женщин детородного возраста 67% постоянно боятся забеременеть. Вот почему многие десятилетия с ранней юности до начала климакса женщины оказывают помощь в службах, призванных оказывать помощь в планировании семьи, информировать о надежных и безопасных противозачаточных средствах.

Эффективно действующие центры планирования семьи благотворно влияют на здоровье женщины, помогая ей предотвратить случайную беременность, избавиться от аборта, контролировать промежутки между беременностями. Кроме того применение противозачаточных средств мешает инфицированию сексуального партнера болезнями, передаваемыми половым путем. И еще один важный аспект: планирование семьи выгодно - каждый доллар, вложенный в государственные службы планирования семьи, экономит 4 доллара 40 центов (по данным на 1993 год).

У женщин, получающих квалифицированные консультации в этих службах, рождаются здоровые дети. Предотвращается случайная беременность, которая часто имеет неблагоприятный исход, и женщина раньше начинает наблюдать за врачом-акушером. Национальный комитет предотвращения смертности новорожденных подсчитал, что если бы планировались все беременные, то смертность новорожденных снизилась бы приблизительно на 10%.

СПЕРМА В БАНКЕ

(отрывок из книги "Отверженное материнство: путь одной женщины")

Энн Тэйлор Флеминг

В прошлом номере мы привели краткий обзор современных репродуктивных технологий, позволяющих женщине искусственно зачать и выносить здорового ребенка. Автор, отрывок из книги которой приведен ниже, рассказывает о своем личном опыте, к сожалению, не увенчанном успехом.

Роскошным весенним днем – это было в 1988 году – я ехала по главной улице Санта-Моники, везя в сумочке банку со спермой моего шестидесятилетнего мужа. Цель поездки – Институт репродуктивных технологий при Лос-Анжелесской больнице Доброго самаритянина. Муж остался дома, отдал сперму и спит, а я осторожно лавирую среди утреннего потока машин, стараясь резко не вилять и не превышать скорости – не дай Бог повредить содержимое банки или нарваться на полицейского.

Искусственное оплодотворение – и это после шестнадцати лет супружеской жизни. Господи, как мы дошли до этого? – спрашивала я себя, паркуя машину, вручая лаборанту банку со спермой, сидя в комнате ожидания. Что меня привело сюда, в эту клинику новых репродуктивных технологий, где побеждают бесплодие, помогая зачатию в тех случаях, когда естественные способы отказывают? Судьба, возраст, биологические особенности организма? Возглавляет клинику специалист в области репродуктивной эндокринологии доктор Ричард Марс, сорокалетний техасец, мягкий, обходительный, речь его пересыпана новыми медицинскими аббревиатурами, которые он произносит уверенно, с оптимизмом. Комната ожидания полна женщин, волнующихся перед предстоящей процедурой. Они приехали сюда из многих стран, со всего мира. Сестринство бесплодных – я одна из них.

В тридцать восемь лет я очутилась в мире высоких технологий внесексуального воспроизведения потомства. Оглядываю женщин: одни, как и я, в синих джинсах, другие в будничном платье – заехали по дороге в офис на процедуру искусственного осеменения, перед тем как ринуться в очередную битву американских корпораций. Улыбаюсь слабой, вымученной улыбкой – для себя и для них. Ведь мы вместе плывем в неведомую сюрреалистическую страну – Страну внетелесных производителей рода человеческого, которые сообщают ведут биологическое наступление на человеческое тело, такое свое, личное, надеясь повернуть вспять время, обмануть судьбу, взять на себя создание эмбрионов, младенцев, саму

жизнь.

Здесь собрались самые стойкие. Самые отчаянные. У всех в глазах упрямая, пьянящая гордость. Никакого хныканья. Запасшись иглами и шприцами, два раза в день мы впрыскиваем в себя, не хуже любого наркомана, стоящие сотни долларов препараты, способствующие зачатию. Ягодицы вспухли, все в желваках, как набитые нюхательным табаком щеки. Лишенные материнства, в погоне за ним мы бесстрашны как амазонки. Маленькая комната согрета нашим волнением и надеждой.

– Энн! – слышу я. Меня приглашают в кабинет.

Вхожу, снимаю с себя все ниже пояса. Появляется врач, вид у него мальчишеский, лицо серьезно, волосы с проседью, как у многих его пациенток. Ему идеально подходит роль человека, способного вернуть отчаявшейся женщине способность деторождения. Осторожно вводит похожий на искусственный пенис сканер, и, как по волшебству, на

экране, который рядом со мной, появляется изображение моих яичников. Мы с врачом начинаем вместе считать: одна, две, три – слева, одна, две – справа.

– У вас яичники двадцатилетней женщины, – говорит он мне, протягивая руку за шприцем со спермой мужа, уже промытой, отобранной и обсеменной. Одно уверенное движение, и сперма через катетер, введенный в шейку матки, отправлена в мое лоно.

Я ничего не почувствовала, ни малейшей боли, но почему-то на глаза навернулись слезы. Ласковое прикосновение профессиональной руки – врач освободил мои ноги из поддерживающих петель – напомнила мне касание тел, когда ребенок зарождается естественно, а не этим совокуплением "соло". Но я дала волю слезам только после ухода врача. Лежа на спине – мне предстояло так лежать по меньшей мере четверть часа – я представляла себе,

как сперматозоиды мужа осваиваются в новом месте, приходя в себя после этого молниеносного переселения. Я стала молить яйцеклетки скорее отправиться в путь по фаллопиевым трубам навстречу сперматозоидам, чтобы те не медля начали на них охоту. Мысли мои вдруг унеслись в далекое прошлое. Конец 60-х, северная Калифорния. Я была тогда совсем юной студенткой, и вот за мной началась охота. И конечно, я стала чьей-то добычей. Помню удивительно стойкий запах, который сопровождал те годы – эротический коктейль из пота, ладана, марихуаны. Помню насыщенные этим пряным запахом послеполуденные часы, которые я проводила в постели в моей маленькой спальне студенческого общежития: косые лучи солнца льются сквозь кроны деревьев, высвечивая наши тела и корешки книг на полке – Руссо, Торо, Маркс, Маркузе. Из холла доносятся звуки проигрывателя – Джанис Джоплин во все горло заливается о свободе. Сплетение страсти и политики, сосен и масла пачули. И я, вооруженная контрацептивами и уже оперившимся феминизмом, в предчувствии фантастического путешествия в будущее. Я и мои сестры, золотые девушки из "нового, прекрасного мира", жадущие, имеющие возможность, готовые защищенным контрацептивами телом перебросить мост через пропасть, разделяющую загадочный феномен женщины и вожделенный мир феминизма. Здоровые, умные, образованные, мы счастливо воспользовались уникальным историческим моментом – перед нами распахнулись все двери. Рушилось прежнее соотношение женских и мужских ролей в обществе. Мир был наш, ничего не стоило завоевать его – этот мужской мир юристов и врачей, космонавтов и поэтов. Я жаждала быть причастной к этому миру. Хотела что-то значить. Стать кем-то. Нести этому миру свое ослепительно прекрасное слово.

Тогда и еще долго спустя я совсем не думала о детях. Противозачаточные средства были чем-то само собой разумеющимся: сначала пиллюли – недолго в юности, до двадцати лет, потом диафрагма. Она стала органической частью не только моего тела, но и сознания, вжилась в меня до степени рефлекторных реакций, она давала доступ в мир женской свободы. Нет, не для меня была случайная беременность – извечная судьба женщины на протяжении тысячелетий.

В начале 70-х мой муж Карл, лежа на мне, шептал, что хочет ребенка, и я, как могла, сопротивлялась его желанию. Я не могла представить себя обремененной младенцем. В плену честолюбивых стремлений я так неукоснительно прибегала к контрацептивам, что не чувствовала связи между сексом и зачатием, между маткой и беременностью. Я не допускала сперматозоидов в свое тело, тех самых, которых сейчас молила свершить свой животворящий танец.

И вот после стольких лет секса без оплодотворения я лежу здесь, участвуя в оплодотворении без секса. Поворот судьбы на сто восемьдесят градусов, насмешка космических масштабов, движение по кривой – от великого секса к нулю. Всю жизнь я стремилась стать независимой ни от кого американ-

кой второй половины двадцатого века, всю жизнь мысли не допускала о материнстве... В дверь тихонько постучала сестра, и я очнулась от дум. И уже на пути домой, за рулем, я начала отсчет времени – до теста на беременность надо прожить две недели. Забеременела или нет? Да или нет? Я вслушиваюсь в себя чуть не каждую секунду, вдруг матка даст знать, что зачатие совершилось.

Надежда сменялась отчаянием, и мне вдруг захотелось опустить стекло и крикнуть: "Эй, Глория! Жермен! Кейт! Расскажите, как это уходить из жизни, не оставив после себя детей, свою плоть? Вы действительно показали нос материнству? Или это мы вас так поняли, чтобы иметь союзников? Симоне де-Бовуар, Вирджиния Вульф, мои бездетные героини, покиньте хоть на миг свое Великое Ничто, выслушайте мои сетования. Скажите, стоит ли служение искусству неплодного чрева? Впрочем, одно обусловлено другим – никто тебе не мешает, не отвлекает внимания. Ответьте хоть кто-нибудь – выдержу ли я?"

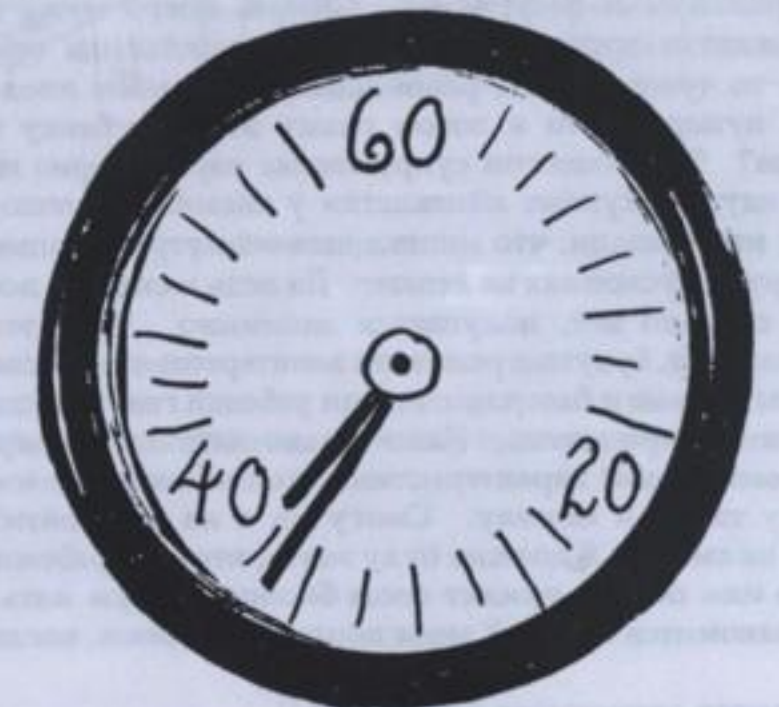
Но тучи не расступились над головой, и ни одна феминистская богиня не благословила хотя бы взглядом мое неплодие. Я – наедине с собой, феминистка на пороге второй половины жизни, ищущая ответа своим сомнениям, посылающая безмолвные молитвы всем богам Материнства. И просящая прощения у матерей-тружениц, прикованных к рулю семейного автомобиля, с каждой беременностью набирающих вес. С каким презрением смотрели на них тоненькие, честолюбивые молодые женщины на подъеме женского движения, которые так же, как и я, хотели идти своим путем! И теперь в эти горькие минуты мне приходит в голову, что бесплодие – это расплата за бесконечно оттягиваемое материнство. Последние исследования неоспоримо доказывают – с годами способность зачатия падает.

Как долго можно безнаказанно подавлять в себе один из самых мощных инстинктов – инстинкт продолжения рода? Мало радости быть бесплодной смоковницей, но еще хуже стать у себя в стране притчей во языках: общественное сознание видит в нас жалких жертв феминизма, дважды обманутых – сексуальной революцией и революцией женщин.

Motherhood Deferred

A WOMAN'S JOURNEY

Anne Taylor Fleming

Но я не сламся, забеременею, чего бы это не стоило. И, свернув на дорогу к дому, я вздохнула полной грудью, и даже с гордостью. Я добьюсь своего, в этот раз не получится, буду пытаться еще и еще раз. Оптимизма мне не занимать, упорства тоже - материнство от меня не уйдет.

И вот мы с доктором Марсом сидим у него в клинике и обсуждаем постигшую нас неудачу - способность деторождения ко мне не вернулась. Я езжу сюда несколько месяцев, а мне кажется, уже тысячу лет. Бесчисленные попытки искусственного осеменения, хирургические вмешательства, а я по-прежнему не беременна. Доктор Марс говорит, таким женщинам, как я, остается одно... Я чуть не зажала уши; мне хорошо известно, что он предложит - чортовы донорские яйцеклетки. Панацея для всех женщин не первой молодости, которые не могут забеременеть, несмотря на всю новейшую технологию. Покупаются у другой женщины яйцеклетки, оплодотворяются спермой мужа и имплантируются в матку бесплодной жены. Но если я и решусь на это, остается еще одна опасность - я могу не выносить плод.

Доктор Марс говорит, что успешный исход наблюдается в 25-33% случаев применения этого метода искусственного оплодотворения. Для меня это гигантские цифры. Весьма соблазнительный шаг. Но вот и стали, наконец, яйцеклетки и сперма полностью равноправны - то, и другое продается и покупается. Абсолютное биологическое равноправие - логическое следствие нашей борьбы за женское освобождение.

Но мне вдруг этот метод показался в принципе аморальным и абсурдным. Сперма моего мужа и яйцеклетка другой женщины - я представила себе чью-то чужую плоть, развивающуюся в моем плодном пузыре. Что я потом скажу этому ребенку и когда? 90 процентов супружеских пар, которые на это идут, покупают яйцеклетки у анонимных доноров; мне сказали, что многие клиники эту операцию на других условиях не делают. Да ведь и сперма, вот уже столько лет, покупается анонимно. Всех это устраивает, будущие родители заинтересованы в том, чтобы родные и близкие считали ребенка генетически их на сто процентов. Надо только найти женщину, чьи физические характеристики сходны с моими, и я унесу тайну в могилу. Смогу ли я на это пойти? Нет, не смогу. Я должна буду знать, что мой ребенок рано или поздно увидит свою биологическую мать. Познакомится с ней. У меня поплыло в глазах, когда

я представила себе все моральные и эмоциональные последствия этого. Но не могла я и подвести черту под всеми моими попытками, тем более, что в наши дни врачи творят чудеса. С их помощью рожают женщины, перешагнувшие естественную границу детородного возраста. И все-таки, хочу ли я первый раз стать матерью в пятьдесят лет? Многие считают, что рожать в последнюю треть жизни - это уж, пожалуй, слишком. Так ли это? Хочу ли я ребенка настолько, что согласна чувствовать, как у меня под сердцем шевелится неизвестно чья плоть? Не могу ответить. На самом деле, есть еще один способ получить ребенка, родившегося из собственного эмбриона, минуя беременность. Твое дитя вынашивает другая, специально нанятая женщина.

Одна из моих приятельниц, у которой с деторождением все в порядке, предложила мне свои услуги ото всей души. Может, стоит попробовать? Яйцеклетки во мне образуются, это очевидно, а она, вне всяких сомнений, может вынашивать детей, во всяком случае своих. Но один раз она, как бы вскользь, но с большим чувством, обмолвилась: "Конечно, первые дни я буду сама их кормить, для начала". И у меня вдруг сжалось сердце, хотя я и отдавала должное ее великодушию.

Моих детей? Ты будешь кормить грудью моих детей? И тут меня пронзила мысль, а ведь все эти разговоры о "яичниках" и взятых на прокат матках, в сущности, хождение по лезвию бритвы.

И теперь я скорблю, а мой муж - нет. Но, в общем, мы выжили. У него четверо взрослых сыновей и нет неотступного желания родить ребенка, какое мучает меня и мужей моих подруг - они гораздо моложе моего мужа. Его безучастие иногда раздражает меня, но чаще действует успокаивающе.

Для меня с этим кончено. И я, как и должно писателю, размышляю теперь над нелегким, неоднозначным выбором, который встает перед женщинами в последние десятилетия, пытаюсь осмыслить причины моего несостоявшегося материнства, запоздалой тяги к нему. Если говорить честно, сводящая с ума возможность завести ребенка не совсем перестала для меня существовать. Я, нет-нет, и возвращаюсь к ней мыслью - особенно в первые дни, недели, месяцы - после официально провозглашенного мной освобождения от чар доктора Марса и его соблазнительных технологий. Да и сейчас изредка возвращаюсь. Но я бы не хотела ни на кого влиять. Пройдя сквозь все это, испытав неодобрение друзей и врагов, феминисток и антифеминисток, я поняла - есть решения, которые принимаются в одиночку.

Перепечатано с разрешения автора. Все права защищены.

На факультете журналистики Колумбийского университета (Нью-Йорк) состоялся семинар, инициатором которого выступила программа "Женщина, мужчины и средства массовой информации". Разговор шел о том, какой образ женской красоты предлагают современные СМИ? Помогают или, наоборот, мешают женщинам жить имиджи журналов мод, рекламы и телешоу? В следующем выпуске мы опубликуем краткий отчет об этом семинаре, а пока предлагаем вашему вниманию несколько строк из стенограммы семинара.

... у "Глэмора" всегда был реалистический взгляд на красоту. Иногда мы делаем руку на фото более полной, чтобы модель не выглядела такой уж худосочной. Сознательно тобираем модели не слишком уж тощие. Недавно мы показали группе читателей обложку с фотографиями женщин реальных жизненных измерений и опросили, будут ли они покупать такой журнал. Америка потрясает тем, что американцы, хотя говорят, что хотят видеть на страницах действительность, на самом деле действительности не хотят. И они раскритиковали эту обложку. Надо помнить, что это - бизнес, журналы должны покупаться...

... несправедливо винить прессу и редакторов в том, что есть женщины, страдающие булимией или анорексией. Это скорее связано с психическими отклонениями. Каждый видит то, что изначально хочет видеть...

... Занимаясь с группами женщин, страдающих расстройствами питания, я спрашиваю их, есть ли у них идеальный образ, которому они хотели бы уподобить свое тело. И они всегда называют имя модели или актрисы. Журналы и создаваемые ими образы женской красоты отражают понятия людей о красоте...

Мариан Хенли - Из сборника "Что это за зверь такой - секс?"

Исчезнет ли секс в 21-м столетии?

WILL THERE BE SEX IN THE 21ST CENTURY?

After the TERRORS and TRAGEDY of the Past Few Decades...

1. После драм и трагедий, омрачивших последние десятилетия.
2. Бракоразводные процессы, конфликты, СПИД, отчуждение, сомнения, отчаяние, разбитые сердца.
3. Будут ли люди все еще его хотеть?
4. Нужно ли, чтобы хоть кто-то его попробовал?
5. Будет ли кто-нибудь получать от него наслаждение?
6. А что, разве Папа Римский - католик?
7. Ученые предсказывают: отношение американцев к сексу резко ухудшилось после 1980 года и с тех пор продолжает ухудшаться, как вы увидите на графике справа, вооружившись мощным увеличительным стеклом.
8. Рай небесный!!!
Рай земной!!!
Восхитительно!
Чудесно!
Очень неплохо.
Недурно...

Печатается с разрешения автора.

КОРОТКИЕ СООБЩЕНИЯ

В декабре в помещении художественного салона "Ирида" на проспекте Мира в Москве состоялась акция "Женщины против насилия" - одно из первых мероприятий культурной программы Информационного центра Независимого женского форума. В разговоре приняли участие представительницы женских и феминистских организаций Москвы - Центра помощи жертвам сексуального насилия "Сестры", группы "Феминистская альтернатива", "Сафо", Ассоциация "Конверсия и женщины" и другие, а также независимые писательницы, художницы, психологи. Важной темой разговора, который

вели культурологи и содиректриса информационного центра Марина Либоракина и поэтесса Нина Габриелян, стала проблема насилия по отношению к женщинам в Чечне. Мне кажется, такие встречи очень важны и сделают лучше и человечнее все наше общество. Из всех произведений искусства, представленных вниманию присутствующих в тот вечер, на меня самое сильное впечатление произвели работы Кэррол Келл и коллекция детских платьиц - напоминание о девочках, ставших жертвами насилия.

Ольга Комарова, студентка.

ЖЕНЩИНЫ И КОНВЕРСИЯ

Усилиями Ассоциации "Конверсия и женщины" (совместно с Российским комитетом защиты мира) в январе состоялась всероссийская конференция "Конверсия - мифы и реальность", в планы которой впервые были внесены проблемы социальной жизни. Работа шла напряженно, и в дебатах вновь прозвучал не раз выдвинутый уже на суд общественности призыв "конверсионных женщин" - демилитаризации

планеты. В целом конференцию можно оценить как очередную попытку достучаться до правительства. О результатах судить пока рано. Но точно то, что Ассоциация набирает опыт - и теперь готова сотрудничать с регионами и привлекать к активной деятельности женщин, трудящихся на предприятиях ВПК по всей стране.

Наталья Стельмашевская

ВНИМАНИЕ!

Ассоциация журналисток приглашает к сотрудничеству коллег, а также начинающих работников газет, журналов, радио и ТВ и студентов факультетов журналистики (независимо от пола), заинтересованных в улучшении освещения роли женщины в обществе в масс-медиа. Если у вас есть публикации (телесюжеты, радиопередачи о женских инициативах, о наших современницах или о женщинах других времен), а также интересные идеи публикаций, и есть

желание обменяться идеями и опытом или принять участие в работе Ассоциации - напишите (и если возможно, пришлите ваши материалы) по адресу: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд 14, журнал "Огонек", отдел писем, Ассоциация журналисток (Н.Ажгихиной и И.Юрне). Наш телефон 251-46-46, 238-36-41, факс. (095) 943-00-70.

*Сопредседательницы Ассоциации журналисток
Надежда Ажгихина, Ирина Юрна.*

Наш адрес в США:

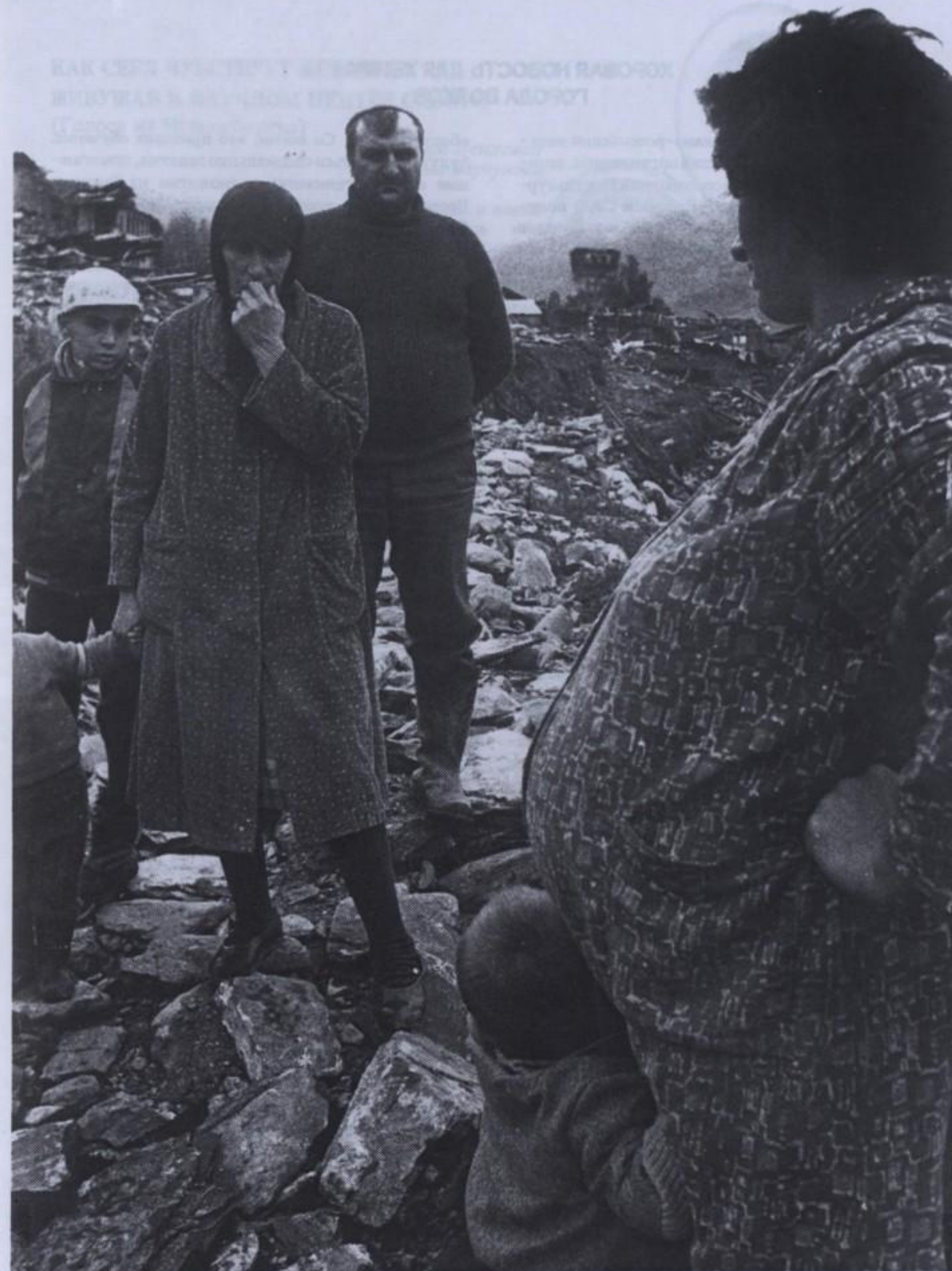
The Women's Dialogue US/CIS,
National Council for Research on Women
530 Broadway, New York, NY 10012, USA

Адрес в России:

101456 ГСП Москва,
Бумажный проезд, 14,
журнал "Огонек", отдел писем,
Н.Ажгихиной, И.Ирне, Л.Сальниковой.

Мы будем очень рады вашим письмам с откликами и комментариями по проблемам, поднятым в данном выпуске, а также по другим вопросам, важным для расширения и углубления диалога между женщинами наших стран. Мы с удовольствием на них ответим.

К сожалению, однако, поскольку у нас нет никакого специального штата сотрудников, мы не сможем давать ответы на технические вопросы, связанные с получением виз для приезда в США, финансовой или медицинской помощью, возможностью получения работы в США, поступления в ВУЗ и так далее.

Зима 1994-95 года на Кавказе. Фотография Марка Штейнбока.

Зима 1994-95 года на Кавказе. Фотография Марка Штейнбока.

ХОРОШАЯ НОВОСТЬ ДЛЯ ЖЕНЩИН ГОРОДА ВОЛХОВ

В начале 1995 года Американо-российский женский союз (AARW), некоммерческая организация, занимающаяся укреплением профессиональных и культурных связей между женщинами России и США, получила официальное подтверждение, что Американское агентство по международному развитию (USAID) согласено финансировать создание "инкубатора" (учебно-тренировочного центра) для малого бизнеса в городе Волхов (примерно в 120 километрах на восток от Санкт-Петербурга). Официально деловые операции начнутся этим летом, но создание инкубатора было задумано еще два года назад.

В апреле 1993 года президент AARW, Александра Халиф, встретила с мэром города Волхова, Нонной Михайловной Волчковой. На встрече обсуждались возможности женского предпринимательства в России. Понимая, что одной из основных причин, которые препятствуют развитию в России женского предпринимательства, является отсутствие делового тренинга, Волчкова и Халиф подписали соглашение о сотрудничестве в проекте, предусматривающем создание в Волхове инкубатора малого бизнеса, ориентированного на предприятия, руководимые женщинами-предпринимателями.

Спустя всего несколько месяцев AARW получил безвозмездный заем для проведения исследования реальности этого проекта и возможности распространения его за пределы Волхова. Летом 1994 года, в течение трех месяцев, Лизка Улетт, выпускница Гарвардской школы бизнеса, анализировала экономическую ситуацию в Волхове и проводила многочисленные опросы горожан. Результаты ее исследований были представлены в подробном отчете на восьмидесяти страницах.

На основе этого проекта Ида Шмерц и Грейс Кеннан Варнеке, вице-президенты AARW, представили USAID развернутое предложение, предусматривающее открытие в России инкубатора малого бизнеса. Другими партнерами в этом проекте явились руководство города Волхова, Морозовская учебная сеть, Женское объединение NIS/US и Центр развития малого бизнеса штата Нью-Йорк (SBDC), которым руководит SUNY, университет штата.

Волховский учебно-тренировочный центр будет организован по образцу существующих американских инкубаторов. В здании, где предполагается его разместить, будет обеспечена достаточная безопасность и все необходимое для проведения деловых операций, связанных с торговлей и легкой промышленностью. Набор в центр будет проводиться на конкурсной основе. Если кандидат отвечает принятым деловым критериям, ему будет предоставлено в платную аренду необходимое рабочее помещение и

оборудование. Со всеми, кто проходит обучение, будут проводиться специальные занятия, помогающие им в организации и развитии их бизнеса. После того, как руководители центра убедятся, что бизнес обучаемого достиг достаточной степени зрелости, тот организует самостоятельное предприятие вне и независимо от инкубатора. AARW надеется таким образом в течение трех лет (именно на этот срок рассчитан безвозмездный заем USAID) подготовить 15-20 малых предприятий в Волхове.

В феврале 1995 года Грейс привезла в Волхов радостную весть. Волховчане с трудом поверили, что их город получил этот заем. На встрече с официальными представителями города, участвующими в этом проекте, многие признали, что они не слишком верили, что из контакта с американцами получится что-нибудь полезное. Мало кто мог вообразить, что AARW, зарубежная организация, выберет их город.

"Для некоторых участников проекта, - сказала Грейс, - эта новость звучала так, будто мы привезли ящик золота. Я понимаю теперь, что мы должны будем потратить немало времени, чтобы объяснить, что такое инкубатор и что нам предстоит сделать, чтобы достичь успеха.

Мы надеемся, что инкубаторы смогут сыграть важную роль в становлении малого бизнеса в России, и рады что вместе с нашими партнерами из Волхова являемся пионерами в этом деле. Особенно приятно, что этот проект родился из сотрудничества российских и американских женщин и что он в первую очередь рассчитан на поддержку женского предпринимательства".

Американо-российский женский союз.

ВНИМАНИЮ ЖЕНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ!

Консорциум женских неправительственных организаций СНГ/США может предоставить мини-грант (невозвратный заем) до 3000 долларов женским организациям в России и на Украине. Последний срок подачи заявлений - 15 июня 1995 года. Дополнительную информацию можно получить по телефону в Москве 257-79-90 или по факсу (также в Москве) 945-31-92.

КАК СЕБЯ ЧУВСТВУЕТ ЖЕНЩИНА, ЖИВУЩАЯ В НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ СИБИРИ (Голоса из Новосибирска)

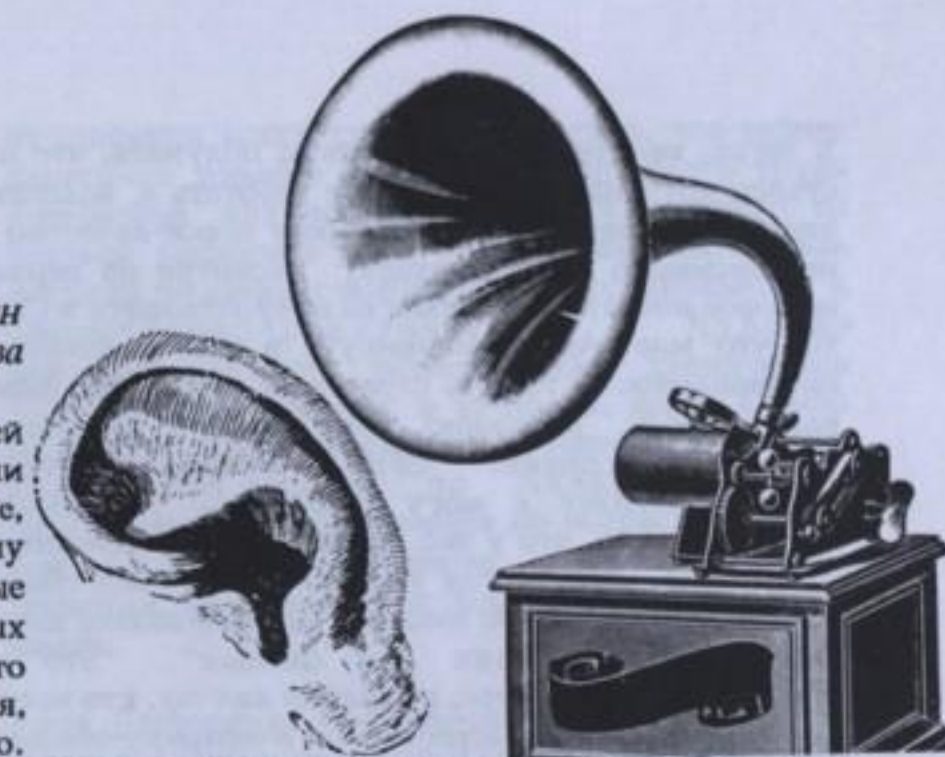
*Сара Лендеман
Татьяна Барчунова*

Возможно, вы будете разочарованы, не найдя в нашей заметке результатов социологического опроса или психологического тестирования. Она написана в жанре, близком жанру личной истории. Мы предлагаем вашему вниманию две зарисовки нашей жизни, а также написанные в импрессионистской манере автопортреты женщин разных поколений, живущих в Новосибирском Академгородке. Кто такие "мы"? Мы - это две женщины, американская и русская, во внешней судьбе и поведении которых нет ничего общего. Описание того, как мы стали соавторами и коллегами, является содержанием первой из двух зарисовок. Поскольку наши впечатления представляют собой две разные перспективы, то далее каждая из нас будет говорить от первого лица.

Женщина в научном центре (взгляд изнутри)¹

Вся моя жизнь прошла в Новосибирском Академгородке. Я здесь выросла, закончила университет, аспирантуру и всю жизнь работаю. Внешне моя жизнь выглядит не столько как движение, а как переползание из одного качества в другое: школьница, студентка, аспирантка, кандидат наук. На самом же деле, каждый новый шаг доставался потом и кровью. Особенно тяжело досталась диссертация. Окончив университет с отличием, я попала в научно-исследовательский институт и в полной мере ощутила на себе ту обстановку дешевой куртуазности, в которой живет каждая русская женщина. Что это означает? Женщине, идущей в туфлях на высоком каблуке по паркетному полу приемной, откроют дверь и уступят дорогу. Но, когда она после работы пытается залезть в переполненный автобус, ей дорогу уступать не будут. Та же обстановка царит в нашем научном учреждении. Моим коллегам мужского пола и начальству нравились мои округлые формы, но их отнюдь не интересовали мои карьерные устремления². Меня терпели в качестве лаборанта и переводчика, но самостоятельную работу не поощряли, а после нескольких лет работы меня сократили, когда в институте возникли финансовые сложности. Та же ситуация повторилась и на другой работе. Мои начальники, разные во всем - один был "западником", другой - "славянофилом", были едины в обосновании моего сокращения. Оба они не считали, что я плохой работник, но заявили, что

1. Я занимаюсь исследованием положения женщин благодаря поддержке Фонда Джона Д. и Катрин Т. Макартуров.
2. Во всем нашем научном центре нет и никогда не было ни одной женщины-директора института, а в университете нет ни одной женщины-декана факультета.

сохраняют мужчин, так как тем-де надо кормить семьи. Оба эти опыта были очень болезненными и для меня, и для семьи. Но второй оказался менее болезненным. Во-первых, в это время я стала христианкой и пребывала в радостной эйфории, свойственной новообращенным, а во-вторых, столь поразительное единство столь разных между собой людей помогло мне не искать причин своих несчастий в самой себе, не казнить самое себя, а действовать. Считаю нужным поделиться этим своим опытом и своими переживаниями, так как в нашем научном центре грядет 50-процентное сокращение кадров, которое, если учитывать существующую динамику, коснется в первую очередь женщин. Сначала я думала судиться с институтом, но потом решила не тратить силы на акции, которые укрепляли во мне комплекс жертвы. В это момент моей жизни решающую поддержку мне оказала Сара Линдеман. Мы познакомились за год до этих событий. Однажды в университете я увидела объявление о Саринной лекции. Я долго колебалась, идти ли мне на лекцию - тема звучала слишком броско и общо: "Капитализм, бизнес, женщины и секс в Америке". Всем известно, что в ярких иностранных упаковках бывают не всегда вкусные конфеты. Тем не менее я все-таки пошла, так как я интересовалась "women studies". Я писала свою диссертацию о стилях мышления в науке и была знакома с дискуссиями о так называемом "женском стиле мышления" в науке. Итак, я надевши самое свое красивое платье в русском стиле и водрузившись на невероятные каблуки, поковыляла в университет посмотреть на иностранную даму. Впечатление было шоковое. Сара была мне полным контрастом - свободно падающие волосы, джинсы, неопределенного цвета блузон и сапоги, которые выглядели экстравагантно не просто в силу своего цвета и формы, но и в силу своей обтрепанности. Кстати сказать, Сара их до сих пор иногда надевает...

Я тогда, конечно, никак не могла подумать, что мы станем друзьями, будем вместе работать и, наконец, благодаря участию Сары я обрету новое качество – независимого исследователя. Несмотря на первое шоковое впечатление я смогла почувствовать в Саре то, что мне очень импонирует в ней и сейчас – пассионарность, то есть страстный, превалирующий над личным, подлинно гражданский интерес к положению женщин. Сара – гражданин Мира. Именно поэтому я могу работать с ней вместе несмотря на то, что у нас разные бытовые привычки и взгляды. Мне всегда удается найти с ней общий язык. Мы ведем курс занятий на английском языке под названием: "sex and Gender". Это не обязательный спецкурс, а занятия для тех, кто хочет, во-первых, совершенствоваться в навыках общения на английском языке, а во-вторых, узнать о стереотипах, которым подчинено не только наше общение, но и все другие стороны жизни. Поскольку в основном я ей ассистирую и участвую в составлении программы, а основная роль в проведении этих семинаров принадлежит Саре, то я и передаю ей слово.

Женщина в научном центре (взгляд со стороны)

"Взгляд изнутри" Тани Барчуновой является таковым лишь условно, так как несмотря на то, что она описывает свой собственный, индивидуальный жизненный опыт, ее ситуация является вполне типичной и просматривается и "со стороны". Таня в силу культурных барьеров не может описать всех драматических поворотов своей карьеры, но русский читатель сам может их угадать. Известно, что "дешевая куртуазность", о которой пишет Таня, в своих крайних проявлениях признана на Западе формой дискриминации, является уголовно наказуемой. Она называется sexual harassment. В русском языке это термин еще не устоялся и звучит пока достаточно неуклюже – "сексуальные домогательства (приставания) на работе". Да и сама проблема многим русским кажется надуманной и вполне "западной". "Это они там с жиру бесятся... Их нравы...". Дискриминация женщин со стороны мужчин в России меня не очень удивила. Меня гораздо больше удивило отношение к своему положению русских женщин, в частности женщин в научной среде. Я приехала в Новосибирский научный

центр после окончания Колумбийского университета по специальности "политология" и конкретно "Исследование России". Занимаясь Россией, живя в Америке, я сочла бессмысленным. Я решила не повторять судьбы наших советологов, которые в эпоху "железного

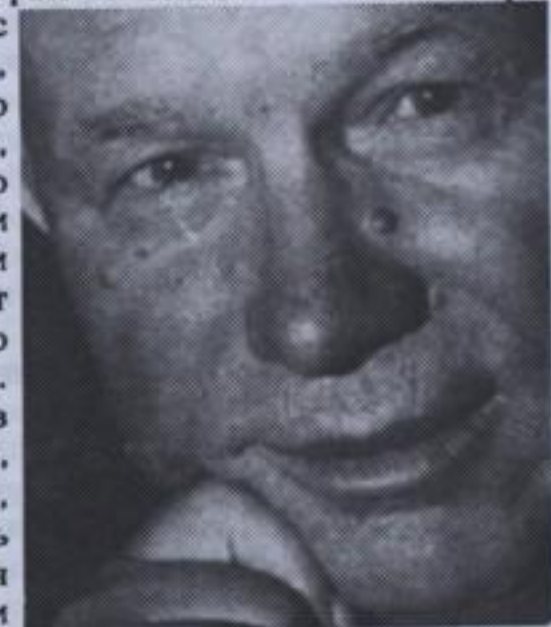
занавеса" были вынуждены ограничиваться анализом печатных материалов. Так я оказалась в Новосибирске в роли преподавателя английского языка. В университетстудентки проявляют гораздо меньше активности, чем студенты. Я веду несколько спецкурсов, которые не являются обязательными. Помимо какой-то информативной, содержательной части, скажем, представлений о функционировании демократического государства и пр., я стремлюсь научить студентов таким важным практическим навыкам, как написание заявок в благотворительные фонды и программы для студентов и аспирантов. Меня не перестает удивлять то, что девушки составляют не более одной трети посещающих семинары, и число их падает. Меня чрезвычайно удивило также отношение студенток университета к замужеству. Если для женщин с высшим образованием в Америке брачный возраст достаточно высок, то здесь, в Новосибирском университете, считается нормой, если девушка выходит замуж к окончанию университета. Если же она не выходит замуж до 26-27 лет, то это, по признанию студенческой публики, плохо отражается на ее репутации. Для мужчин эта возрастная граница на несколько лет выше, и отношение к мужчинам-холостякам соответствующего возраста более благожелательно. Другое мое наблюдение касается поведения членов семьи при гостях. Женщина-хозяйка дома садится за стол последней, либо вообще не садится, подавая на стол и суетясь на кухне. Я уже не говорю о том, что для меня было неожиданностью обнаружить практически полное отсутствие в Новосибирском научном центре того, что на Западе называется "женским движением", а также осознания того, что женщинам необходимо знать свои права и отстаивать их, если они не признаются обществом. Если даже здесь и есть какие-то группы помимо движения "Солдатские матери", то увидеть следы их деятельности мне до сих пор не удалось. Тем более удивительно было для меня на фоне этой ситуации найти целый ряд женщин – как молодых, так и немолодых, которые проявляют целеустремленность в своей работе, трезво оценивают политическую ситуацию и при этом сохраняют свое индивидуальное лицо – независимость и свободу. К их числу я отношу тех, чьи короткие заметки вы прочтете ниже, и своего настоящего соавтора. Мы помещаем эти заметки в хронологическом порядке, начав с наиболее старших. Этот порядок, возможно, даст вам почувствовать, каково мироощущение разных поколений. Мы хотим, чтобы вы услышали живые голоса женщин, которые несмотря на социальные бедствия не собираются унывать. Они

следуют призыву, начертанному на плакате на въезде в Академгородок, который гласит: "Не угасайте духом", к которому какой-то остряк приписал отрезвляющее добавление: "С пустым брюхом. Питайтесь собственным ухом...".

Елена Александровна Куклина.

Я не ставила своей целью добиться карьеры и, по правде говоря, не могла поставить себе такую цель. Моя судьба явилась продолжением судьбы моих родителей, неполноправных в 20-30-е годы граждан СССР из-за их непролетарского происхождения, принадлежности к "враждебному", "эксплуататорскому" классу. Отец был изгнан с рабфака (так называлась средняя школа в те годы), а маму не принимали, исключен из комсомола – и все эти наказания за дворянское происхождение, за то, что родился не от той матери... Всю жизнь он вынужден был учиться то экстерном, то заочно. Все ему давалось невероятными усилиями, титаническим трудом, а с 1937 года он просидел в тюрьме по той же самой мифической причине. Маму с нами, двумя малыми детьми, выселили в 24 часа с Дальнего Востока (я родилась в Хабаровске), отобрав жилье и вещи. Уцелев, мы до 1952 года, до есть до самой смерти "отца народов", всей семьей отбывали род ссылки в 70 километрах от Новосибирска, в деревне – отцу было запрещено жить и работать в городе. Меня как дочь "врага народа" даже в деревенской школе не могли сразу, вместе со всеми сверстниками, принять в комсомол, хотя я училась все годы хорошо и вела себя соответственно. Точно так же было и с партийным членством. Дети пролетариев (и сами пролетарии) из комсомольских пеленок по инерции и с почетом переходили в "славные ряды", а я со скрипом – в дни Хрущевской оттепели, когда мы все были "реабилитированы". Спасибо Хрущеву! В отношении карьеры у меня сложилось твердое убеждение, что в научном учреждении (где я проработала всю жизнь) самое лучшее положение – это должность старшего научного сотрудника. Ее я добились на шестом десятке жизни, защитив кандидатскую диссертацию по литературоведению. Энергии у меня всегда было много. Но я в первые годы семейной жизни, особенно после рождения дочери, в "счастливом" заблуждении считала, что мой долг быть хранительницей домашнего очага, а продвигать в смысле карьеры надо сначала мужа. Но в этом заблуждении я пребывала недолго. И почти всю жизнь, как впрочем и теперь, дослужившись до скромной пенсии, имея запас печатных трудов, зарабатываю в нескольких местах... Мои взгляды на эмансипацию женщины, видимо, с явным перекосом. Ребенка я воспитала только одного, да и то с помощью мамы. Считаю до сих пор, что женщина должна быть морально и материально независима от мужа, даже фамилию сохранила девичью... В отличие

от старушек моего окружения считаю, что сейчас наступило хорошее время для творческого труда литератора, для честного человека. Можно не бояться высказать свое мнение, выразить свои взгляды по любому вопросу, профессиональному и общественно-политическому. Чувство невестребованности остается как хроническая болезнь. К сожалению, в то время, когда я была молода, в моде были старики, а теперь – наоборот, даже указ издан по Академии наук, дискриминирующий человека по возрасту. Тем не менее дышится мне легче, легче работается, несмотря на возраст, и хочется быть полезной людям.

Кира Гребенник, инженер-электрик, мать двоих сыновей (один врач, другой – программист), имеет двух внуков. Вот уже тридцать лет после окончания Уральского политехнического института (гор.Екатеринбург) живу и работаю в Новосибирском Академгородке. Отношу себя к шестидесятиникам, так как мои взгляды и отношение к жизни сформировались именно в 60-годы и именно в Академгородке. Это был, как сейчас особенно ясно видится, город свободных людей, людей науки, но в той системе и город диссидентов. Мы много работали, растили детей, старались дать им лучшее образование, успевали много общаться, спорить на самые различные темы (это и кино, и книги, и политика, и многое другое). Мое увлечение – альпинизм. Я мастер спорта, покоритель всех четырех семитысячников в Советском Союзе.

Мы все выросли из пионеров и комсомольцев, и казалось, что только наша идеология имеет право на существование в этом мире. Переворот в моем сознании окончательно произошел после того, когда удалось в списках прочитать "Архипелаг Гулаг" Солженицына и "Женский этап" Евгении Гинзбург. Все встало на свои места. Я даже представить не могла (думаю, что все наше поколение), что при жизни нашей случится перестройка. Если откровенно сказать, то мне не пришлось перестраиваться, так как несурзанность и лживость этого строя была ясна уже давно. Приходится только грустить о том, что так непросто пробивается все новое и разумное. Грустно очень, что не происходит реальных изменений в науке, что она тихо гибнет, что уезжают руководители научных школ и направлений, молодежь из науки идет работать в другие сферы. Хотя все это понятно и объяснимо, но очень печально. Ведь все могло быть по-другому. Но для этого надо, чтобы те люди, которые всегда занимались распределением, перестали бы этим заниматься (и это на всех уровнях). Но очевидно, это самое трудное и невозможное для этих людей. С 1990 года была депутатом районного Совета. Шла на выборы от

движения "Выбор России". Отношу себя к демократическому движению, но ни в какие партии вступать не хочу. За два с половиной года депутатства сумела кое-что сделать. Активно поддерживала линию Президента Ельцина. Но советы были распушены после октябрьских событий 1992 года, и теперь

исполнительная власть практически на всех уровнях оказалась неконтролируемой, и она, я думаю, празднует победу над начавшей было зарожаться демократией. И это стало совершенно ясно сейчас, в связи с событиями в Чечне. Все это ужасно, я, как мать двоих сыновей, не могу даже представить, что можно одних сыновей бросить убивать других сыновей своей же страны. Мой разум отказывается это понимать. А по каналу "Останкино" идет та же ложь, что была в недавнем прошлом. И опять нужно слушать "Свободу", чтобы знать правду. Из газет сейчас читаю только "Московские новости". Я верю тому, что там пишут, и спасибо огромное этой газете. А из уст Грачева опять звучат слова о "враге нашего народа" С.А.Ковалеве и о "гаденыше" Юшенкове, о том, что наши мальчишки-солдаты в 18 лет с улыбкой умирают в Чечне. Где же предел этому бреда и беспределу? Когда же наша власть будет ценить жизнь своих сыновей и мирных граждан?

Маргарита Каргина, директор языкового центра. Когда в газетах и по телевидению начали говорить о перестройке, я только посмеивалась, совершенно не ожидая, что благодаря этой перестройке в моей собственной жизни тоже произойдут серьезные изменения. Смелась я потому, что в то время никаких перемен не видела ни вокруг себя, ни для себя. Все превращалось в фарс и трагикомедию. Все та же уравниловка. Жизнь по принципу "не высывайся". Но вот прошло время, и лед тронулся. Люди инициативные, с деловой жилкой, получили возможность реализовать себя. Но как трудно, как болезненно происходит становление даже самого маленького бизнеса. Причиной тому не только объективные трудности, связанные с отсутствием или недостатком начальных средств на аренду помещения и приобретение того или иного оборудования, с огромными удушающими налогами, но и традиционное для России негативное отношение к тем, кто позволил себе "высунуться". Подозрительность, косые взгляды, неприкрытая зависть к тем, кто хоть чуть-чуть добился успеха. А у женщин, решивших открыть собственное дело, возникает еще одна очень серьезная проблема - как совместить домашние обязанности с работой в бизнесе, которая очень часто не имеет временных пределов. Но тем не менее, не столько потребность выжить в наше трудное время, сколько внутренняя потребность самореализоваться всякий раз дает силы

не отступить перед очередной трудностью, не опустить рук. Я, сколько себя помню, всегда хотела иметь свое, пусть маленькое, но совершенно самостоятельное дело. И естественно, что это дело должно быть связано с моей профессией, с тем, что я умею делать - обучать иностранным языкам. И вот сейчас у меня свое дело - небольшой языковой центр. Мы обучаем иностранцев русскому языку, а наших людей, детей и взрослых - иностранным языкам: английскому, немецкому, французскому, планируем ввести испанский и японский. В центре работают преподаватели-носители языка. Это либо иностранцы, которые по тем или иным причинам приехали в Сибирь на длительный срок, либо специально приглашенные нами для работы в нашем центре. В прошлом у нас работали и жили в наших семьях преподаватели из Канады. В этом году они приезжают снова. Летом мы организуем длительные выезды на берег моря с полным "погружением" в язык. Это безумно интересно и пользуется большой популярностью как среди студентов, так и среди преподавателей. В этом году мы планируем организовать "погружение" на корабле. Сейчас у нас мечта наладить связи с другими странами для обмена студентами и преподавателями. Мы близки к тому, чтобы уже в этом году осуществить обмен студентами с Германией, Канадой и Новой Зеландией. Словом, мы полны планов и несмотря ни на что смотрим в будущее с большой долей оптимизма. Какое это удовольствие видеть, что дело, которое ты начал, имеет успех! Ради этого стоит жить.

Ирина Кузнецова. Как много в голове разных вопросов - все крутится одновременно, превращая мыслительный процесс в бег с препятствиями. Не хватит ли гробить свою молодость в школе? Не подыскать ли "интересную" высокооплачиваемую работу? А какую, если секретарем-референтом не хочется? А кто же моих школьников будет доучивать? (И когда они, обормоты, отвыкнут на все вопросы отвечать "иес-итиз", и "иес-офкос") Почему Женя пришла из садика с подбитым глазом? Что ей сказать, если она бродит по квартире и поет: "Мама мне нечем заняться"? Почему она так ненавидит брюки и так любит "трансформеры"? Вести ли ее завтра в садик с таким насморком? Что делать, если домашняя аптечка пуста, а зарплату уже месяц не платят? Если не хватает денег, чтобы покупать книги, и времени - чтобы читать? И потяну ли я третью работу? И неужто дедушка так и будет стирать, готовить и укладывать Женю? Так хочется взяться опять за дипломную тему - но имеет ли вообще смысл научная работа? И стоит ли к ней

возвращаться, когда есть уроки, спецкурсы, методическая работа, переводы (если повезет), репетиторство... А еще домашнее хозяйство, дочь, и если ничего не утаивать, то и муж... И кстати, когда он, наконец, собирается сдать свою сессию и вернуться домой? Что можно купить подруге на день рождения, имея пять тысяч? Чему сегодня учить Женкиных друзей, когда они придут заниматься английским? Как спасти фуксию и цикламен и почему не цветет стрептокарнус? С какого места начать разгребать рабочий стол, и что на нем делают моток проволоки, штекер, "Занимательная физика" и нога от куклы Барби? Не слишком ли это будет бессовестно, если на той неделе оставить Женку с делом и сходить на дискотеку? Давать ли советы, если одна спрашивает, выходить ли ей замуж, а другая - разводиться или еще потерпеть? Почему сутки такие короткие, а зима такая длинная? Что приготовить на ужин и что надеть на работу? Туда ли я иду, а если нет - то куда, и может еще не поздно? Что будет завтра? А послезавтра? А через год? Что будет? "Ирка, - говорит приятель, - ты что всюду носишься. За тобой не угнаться". А кстати, что ему на это ответить?

Наталья Марчук, 21 год, студентка Сибирского кадрового центра, в котором с удовольствием учусь на факультете "Управление-Правоведение". Свободное время провожу, общаюсь с друзьями, читаю книги, занимаюсь спортом. Очень люблю своих родителей и вообще неплохо отношусь к людям, окружающим меня и далеким, стараюсь побольше общаться, так как узнаю много нового. Безумно нравятся оптимисты, люди яркие, необычные, делающие что-то хорошее и просто веселые. Таких стало мало, жизнь делает всех озлобленными, но без проблем жить нельзя - неинтересно. Вот если человек справляется с проблемами и при этом остается жизнерадостным - самое прекрасное. А еще очень сложно сталкиваться с теми, у кого есть проблемы, очень хочется помочь, но не разорвешься ведь на мелкие кусочки, и тем более может ему вовсе не нужна помощь? Надо собраться всем вместе, сделать что-нибудь полезное - например, пельмени - пообщаться, повеселиться, и сразу становится светлее. И по жизни так же, каждый делает свое дело, которое ему нравится, вносит свой вклад в общественную жизнь и живет прекрасно! А еще здорово делать друг другу подарки, любые, пусть даже самые маленькие, все равно приятно. Очень иногда не хочется думать о жизненных сложностях, особенно, когда в них невозможно найти ничего положительного, сплошная беспросветная темень, всякое бывает. Хорошо, когда друзья рядом, но и на них не всегда можно перекладывать то, что давит, у них своих забот хватает, так что самой надо справляться. Иногда возникает ощущение, что люди тонут в бездонном болоте своих жалоб, проблем, бездействия. Не хочу жаловаться, не хочу страдать - жизнь находится в моих руках, я сама себе хозяйка и обязательно справлюсь, сильная ведь, голова на плечах есть, придумаю что-нибудь. К себе стараюсь

предъявить высокие требования: не получилось что-то - сама виновата. Надо проанализировать и сделать выводы, чтобы не повторять ошибок; а жизнь, мне кажется, можно либо любить, либо не жить вообще.

Аня Широкова. Моя жизнь становится все более непредсказуемой, куда-то уходит чувство защищенности и пропадает уверенность, что есть хоть что-то неизменное. Иногда становится страшно, что даже семья может распасться, друг - уйти, а ты останешься одна. Появляется много новых людей, но найти среди них друзей сложнее, чем раньше: общество становится прагматичнее, тебя рассматривают не насколько ты интересен, а насколько полезен. Время движется слишком стремительно, чтобы восстановить разрушенную систему ценностей. Все перемешалось: люди без образования оказались наверху, интеллигенция - внизу. И произвольно задаешься мыслью: зачем же я учусь, если это никому не нужно? И этот вопрос задают себе слишком многие. Но то, что происходит сейчас, мне кажется естественным, и я стараюсь пройти эту переходную стадию с н а и б о л ь ш и м и приобретениями. Намного легче сформировать себя и свою жизнь при крушении империи, чем при ее существовании. Я пытаюсь понять, чего я хочу достичь, и что будет в цене к тому времени. Человек, совместивший эти два понимания, имеет большие шансы на счастье. А мне остается искать Горациеву золотую середину: надо отвечать требованиям времени, по возможности сохранить себя в этом водовороте. Это меня сейчас волнует больше всего.

Аня Богомолова, 17 лет. Иду по серой улице, а мысли уносят меня далеко, в уединенное местечко, не тронутое людьми. Там горы и солнце, там можно бродить часами и думать. О чем? О том, какой гармонии тела и духа достигну я здесь, наверху, и о том, как плохо внизу? А с чего я вдруг взяла, что мне будет хорошо в одиночестве, что я познаю все законы бытия, оторвавшись от мира суеты? И кому легче от того, что мне там хорошо и у меня нет проблем? "Если я не для себя, то кто для меня? Но если я только для себя, то зачем я?" - говорит еврейская мудрость. Я пришла в мир людей, и я должна в нем оставаться. Но что я могу дать людям сейчас, ничего не зная о жизни? Да ведь чтобы успокоить плачущего малыша на улице, не нужно много знать о жизни. Знание приходит постепенно, а чтобы помочь людям, надо иметь прежде всего великое желание сделать им хоть

какое-то добро. Ну подумаешь, не поступлю я в университет второй раз. Буду еще раз готовиться. В конце концов, со мной люди, и я с ними.

Ася Барчунова, 16 лет. (Отрывки из дневника за январь 1995 года).

...Уже восемь часов вечера. А я с шести не могу сосредоточиться над недочитанной книгой - мешает гремящий за стеной, где-то над головой, громкий голос знакомого дублятора. Он с неестественными и даже несколько истерическими интонациями повторяет одни и те же слова: "Мария Констанция, я тебя люблю, почему ты не можешь меня полюбить?" - опять соседи наверху сериал смотрят. А может быть и не со второго этажа, а с третьего, а может быть с четвертого. К этому времени, без сомнения, весь подъезд друженько сидит у телевизоров. И будьте уверены, не только наш подъезд, но и наш дом, улица - все население научного центра. А в кино сейчас идет американский художественный фильм под

интригующим названием "Ищу тебя, мой гангстер" (эротический детектив с элементами мелодрамы, как было сказано в рекламе) - как интересно! Изредко на киноафишах вижу серенькие объявления о показе фильмов Параджанова, Тарковского, Феллини - невыгодно. Да и кто на них ходит? А ведь все-таки научный центр... Мама рассказывала, как их класс ездил по институтам, чтобы видеть последние достижения науки. Учителя постоянно приглашали на уроки ученых из исследовательского центра читать лекции и ставить настоящие биологические, химические и физические опыты. "О, как это было интересно! - говорила она. - Не зря же мы живем в Академгородке...". ...Уже 12 часов. Мать до сих пор сидит за своим компьютером, а отец - за своим. Я же, dokonчив суетные дела дня, преспокойно засыпаю под гулящие звуки веселой мелодии кончающегося полицейского сериала. А все-таки хорошо жить в научном центре!

"ДОЧКИ-МАТЕРИ"

Анастасия Моргун, практический психолог
Центра медико-социальной реабилитации, Москва.

Отношения между людьми - тема не новая. Чего только не говорят, не пишут по этому поводу? Каких только советов не дают! И все равно интерес к психологии человеческих отношений неистощим. И это не праздный интерес.

... У меня на приеме две женщины. Одна совсем молодая, другая - средних лет. Дочь и мать. "Я не могу так больше! - мать почти кричит. - Повлияйте на нее! Ей бесполезно что-либо говорить: она не слышит ни слова! Как будто между нами стена! Она ведет себя так, будто у нее нет матери!". И вдруг тихо: "Она меня не любит..."

Дочь молчит, подчеркнуто равнодушная к происходящему. Когда мать начинает плакать, равнодушие сменяется презрением. На мою просьбу рассказать, как она видит ситуацию, дочь, криво усмехаясь, говорит: "Мне все равно. Она мне - чужой человек". И с отчаянием: "Уже ничего нельзя исправить!"

Как вышло так, что люди, которые раньше были самыми дорогими друг для друга, теперь страдают и не могут найти общий язык? Что можно сделать для того, чтобы перекинуть мост над пропастью, разделяющей мать и дочь? И, наконец, есть ли способ, который помог бы людям избежать подобного рода кризисных ситуаций в отношениях?

"Дочки-матери" - любимая игра в детстве. Понаблюдаем, как ведет себя "мама": она кормит, одевает, укладывает спать свою "дочку". Она защищает ее от опасностей, утешает ее - и при этом сама учится быть сильной и самостоятельной. Она объясняет дочери, как устроен мир, учит ее правилам жизни среди людей - и сама начинает лучше понимать эти правила, подтверждает свой взгляд на окружающее.

Игра - довольно точная модель жизни. Практически все, что мы видим в игре, существует в реальных отношениях мамы и ее маленькой дочки. Рассмотрим развитие этих отношений. Само собой разумеется, что дочка без мамы - никуда. Мама для нее - главный человек, образец для подражания. Дочь хочет быть похожей на нее: она красит губы "как мама", примеряет ее платье, копирует ее интонации, жесты... Пока мама рядом - ничего не страшно. Она всегда поддержит и поймет, придет на помощь в трудную минуту.

Матери практически ничего не надо делать специально для того, чтобы завоевать любовь малышки: ей достаточно быть рядом с ней - дочь будет любить ее беззаветно и нежно. Дочь доверяет маме свои маленькие секреты - и тогда нет в мире никого, кто был бы с женщиной более откровенен, чем ее дочка! Именно ей мать постарается передать все то, чему она сама научилась в жизни, предостеречь от ошибок и дать совет.

Но время идет, и дети растут. Оказывается, что дочь уже научилась ходить, не держась за руку мамы, потом - обходиться без мамы в течение целого дня...

И вот у девочки уже появились другие авторитетные взрослые, подруги, друзья... Мама больше не единственный человек, с которым дочь советуется...

Конечно, каждая мать знает, что ее дочь когда-нибудь станет взрослой, но далеко не каждая, к сожалению, реально представляет себе, как при этом изменятся ее отношения с дочерью. Часто об этом просто страшно думать: это воспринимается как конец отношений. И матери обращаются к психологу с вопросом: "Как не потерять дочь?"

Дочери в это время не легче. Если раньше она была уверена в том, что ее мама - "самая-самая", принимала ее взгляды как нечто не подлежащее сомнению, то теперь дочь узнает, что есть люди, которые думают по-другому, и мама, оказывается, бывает неправа. А это значит, что жизнь становится уже не так безопасна: ведь раньше-то мир держался на маме, а теперь на нее до конца полагаться нельзя... К тому же выясняется, что мама не всегда понимает ее, что есть вещи, о которых матери лучше не рассказывать...

И в этой ситуации самое главное - не делать вид, что отношения дочери и матери остались прежними, заметить, что совершается важнейший переход от отношений "взрослый-ребенок" к "взрослый-взрослый". И это не педагогический прием типа "У-у, да ты уже совсем большая стала!", а реальная перемена. И если переход состоится, то две женщины (отчасти знающие друг друга, а отчасти, между прочим, и нет!) имеют шанс встретиться и стать друзьями, близкими людьми.

При всей нескромности между собой разных семейных историй конфликты матерей и дочерей очень часто имеют одну общую особенность: их участники не осознают этого перехода. Разумеется, они видят, что отношения изменились - "были хорошими - стали плохими", но далеко не всегда понимают, что к старым "хорошим отношениям" нет

Молодая художница Белла Прибылова живет в Подмосковье.

Родословная героев ее рисунков осталась в школьных тетрадках: на самых скучных уроках она смешила подруг, пуская по рядам "веселые картинки" из жизни класса.

Случайно один из таких листочков попал в руки руководителя клубов юнкоров при городской газете подмосковного Калининграда.

С тех пор и стали появляться то в одном, то в другом издании "веселые картинки" Беллы.

Предлагаем несколько ее рисунков и вниманию читателей "Вы и Мы".

возврата, а задача заключается в построении новых отношений, которые могут стать хорошими, но уже по-новому.

Каковы же основные признаки новых отношений между матерью и дочерью? Мы говорили об отношениях "мама-ребенок", теперь в центре нашего внимания - взрослая мать и взрослая дочь. И тут же заметим: существование отношений "мама-ребенок" связано с практической необходимостью, а отношения "взрослый-взрослый" могут возникнуть, а могут так никогда и не сложиться. Никаких гарантий! Так что не зря опасаются мамы и дочери: может случиться и так, что контакт между ними будет потерян навсегда.

Когда наступает кризис в семье, зачастую прибегают к выражениям типа "мать всегда хочет добра (никогда не пожелает зла) своему ребенку", "мать - всегда самый близкий человек", "для матери ее ребенок - и в сорок лет ребенок", или: "долг каждой дочери - любить и уважать свою мать". Эти формулы как бы призваны постулировать связь между матерью и дочерью, сделать эту связь гарантированной. Не вдаваясь сейчас в обсуждение вопроса о правильности этих высказываний, отметим, что в ситуации кризиса отношений опора на эти мнения затеняет истинное положение дел, отвлекает от неприятной и тяжелой правды, заключающейся в том, что новые отношения надо строить, что сами собой, как нечто должное, они не существуют, и, скорее всего, не возникнут.

Главное условие для построения этих новых отношений - желание со стороны обеих женщин, и мамы, и дочери, и - что не менее важно! - готовность всерьез их строить (для этого, конечно, нужны силы и терпение).

Установлению отношений "взрослый-взрослый" очень мешают взаимные ожидания и требования. К примеру, мать ожидает от дочери, что та будет общаться с ней, с кем проводит время, а дочь предпочитает держать это в секрете - у матери возник-

кает обида. Или дочь ждет от матери, что та будет хорошо относиться к зятю, а матери вовсе не нравится новый родственник - опять обида (причем, возможно, обоюдная). Практически все возникающие обиды можно свести к формуле: "Она не такая, какой я хочу ее видеть!". При этом подразумевается следующее: "Она должна быть такой, какой я хочу ее видеть!". И взаимным претензиям и обидам нет конца, если мать и дочь не признают за собой и друг за другом право быть свободными, независимыми людьми.

Итак, "взрослая мать-взрослая дочь" - это отношения двух по сути независимых женщин. Дочь может любить мать, но она не обязана любить ее (то же самое и наоборот: мать не обязана любить дочь: там, где есть принуждение любить, для искреннего чувства остается мало места). Мать имеет право дать дочери совет, но при этом для обеих очевидно право дочери распорядиться полученным советом: последовать ему или не принять. Мать может помочь дочери, но она не должна это делать. Дочь может попросить у матери что-либо, например, денег или посидеть с внуком, но требовать этого от нее дочь не станет: ведь мать - свободный, независимый человек, и имеет право по своему усмотрению тратить свои деньги и время.

Можно привести еще бесчисленное множество примеров, иллюстрирующих разницу между "должна" и "может". Суть обсуждаемой нами позиции отражена в психотерапевтической "молитве", которую сформулировал известный психолог-психотерапевт Фриц Перлз:

"Я есть я, а ты есть ты. Я делаю свое дело, а ты делаешь свое. Я пришел в этот мир не для того, чтобы соответствовать твоим ожиданиям. А ты - не для того, чтобы соответствовать моим. Если мы встретились - это прекрасно. Если нет, этому нельзя помочь".

Для того, чтобы отношения матери и дочери не сломались, не порвались на крутом вираже взросления, обязательно нужно вовремя осознать переход от старого взаимодействия по типу "мама-ребенок" к новому: "взрослая мать-взрослая дочь". Понять, что этот переход не катастрофа, а естественная трансформация отношений, значит, уже наполовину обеспечить ему успех.

В так называемых "традиционных культурах" с этим было проще. Там существовал (впрочем, в некоторых точках земного шара до сих пор существует) обряд инициации - посвящения, и после специальных ритуальных действий община начинала относиться к той, которая еще была "дитем неразумным", как к взрослой женщине, наделенной всеми установленными правами и обязанностями. У нас в обществе нет четкой традиции, позволяющей однозначно провести эту черту. Иногда внутри семьи существует нечто похожее на договор по этому поводу, находящий отражение, например, в таких высказываниях, как: "Выйдешь замуж - будешь считаться взрослой", "Родишь ребенка - тогда поступай

по-своему", или: "Будешь сама зарабатывать деньги - будешь иметь права", "Когда станешь жить отдельно, тогда и распоряжайся", и т.д. Но зачастую такого рода фразы - не более, чем аргумент в споре матери и дочери, и тогда такие "критерии" никак не помогают в разрешении конфликтной ситуации. Поэтому реально получается так, что переход старых отношений в новые не осуществляется автоматически, и обеим женщинам приходится немало потрудиться для того, чтобы он стал возможным.

Для того, чтобы не паниковать в трудную минуту, когда между матерью и дочерью растет непонимание, и кажется, что отношения уже непоправимо испорчены, полезно помнить, что переход от старой формы взаимодействия к новой происходит не мгновенно, а постепенно. Можно выделить четыре фазы, четыре этапа этого перехода.

На первом этапе существуют прочные отношения "мать-ребенок". На описании этого этапа мы уже останавливались выше: здесь мать - это проводник дочери в сложный мир взрослых, и дочь целиком, или почти целиком, зависит от нее.

На втором этапе происходит ломка старых отношений. Возникает взаимное разочарование, обиды, требования, обвинения. Недовольство сложившейся ситуацией растет, но у обеих - у матери и у дочери - есть подспудная надежда, что все еще может быть по-прежнему, что отношения вернутся в привычное русло.

Третий этап - это отчуждение, уход от контакта. Старые отношения между матерью и дочерью разрушены, новые не созданы. Конфликты и взаимные упреки надоели, осознается бесперспективность бесконечных ссор и претензий. Люди замыкаются в себе, ведут себя как чужие по отношению друг к другу, даже если при этом продолжают жить в одной квартире.

Наконец, четвертый этап - построение партнерских отношений. Две взрослые женщины договариваются о новых правилах взаимодействия. Каждая из них надеется на то, что договориться удастся, но при этом готова также и к тому, что может услышать отказ с другой стороны. Об этом этапе мы тоже подробно говорили выше.

Важно подчеркнуть, что отношения "взрослый-взрослый" - это не то, что можно установить раз и навсегда. Их постоянно нужно поддерживать, развивать. Поэтому четвертая фаза взаимоотношений матери и дочери может продолжаться сколь угодно долго (разумеется, при заинтересованности в этом обеих женщин) - и такие отношения имеют все шансы быть по-настоящему близкими и приносить радость обеим сторонам.

Разумеется, разные люди по-разному проходят данные этапы. Некоторые отношения, например, (и таких немало!) "зависают" на второй, конфликтной фазе. Заметим, кстати, что именно на этом этапе мамы и дочери чаще всего обращаются за психологической помощью.

В другом случае люди навсегда остаются чужими друг другу: для их отношений заключительным реально становится третий этап.

Бывает и так, что одна из женщин, чаще всего мать, как бы "запаздывает", и в тот момент, когда дочь уже уходит от контакта, мать все еще пытается выяснить отношения (так, кстати, обстояло дело в случае, упомянутом в начале).

Вступление отношений в четвертую фазу тоже, как правило, происходит по инициативе одной из сторон, на данный момент более готовой к этому. Совсем не обязательно попытки одной из женщин установить новые отношения сразу же приносят плоды: иногда должно пройти немало времени, прежде чем другая с пониманием откликнется на предложение, пойдет на контакт.

К тому же отношения никогда не гарантированы от "соскальзывания" на предыдущие этапы, поэтому даже в самом благополучном варианте время от времени можно заметить "пережитки прошлого", отголоски старых форм взаимодействия - что делать, не так-то легко мы меняем свои привычки!

Наблюдения свидетельствуют о том, что у матери и дочери больше шансов достигнуть в своих отношениях четвертой, благоприятной стадии - и при этом легче миновать кризисные моменты - в том случае, если интерес этих женщин не ограничивается семьей, если женщины имеют широкий круг увлечений, свои дела, друзей... Действительно, если женщина самостоятельна, твердо стоит на своих ногах, ощущает себя независимой, то у нее есть реальные силы для того, чтобы успешно решить самую сложную, может быть, задачу: установить гармоничные, равноправные отношения с другим человеком, с близким человеком.

- Мне бы хотелось встретить мужчину, нежного в жизни и решительного в минуту опасности.

Copyright © Anne Gibbons. Перепечатано с разрешения.

"Хэппи энд" - из последних рассказов, написанных совсем недавно.

Н. Ажгихина

ХЭЛПИ ЭНД

Ирина Полянская

Конечно же предмет ее страсти (именно страсти, рычавшей, кусающей себя за хвост) ничего особенного собой из себя не представлял. Предмет и есть предмет, существо неодушевленное, само ни за что не отвечающее, какие к нему могут быть претензии? У Вики они имелись в избытке: уж раз его выбрали, оценили, раздули до размеров любовной драмы, заплатили за это первой сердечной массой, то он обязан был хотя бы задыхаться, задвигаться, ходить по сцене, как положено герою-любовнику, а не стыннуть бесформенной массой и не дергаться как Арлекин на суровых нитях, простертых от Викиного горького

сердца к его рукам, ногам, голове, печенке и позвоночнику. Он, этот Толик, должен был что-то предпринять, хотя бы в ответ на Викино битье дешевой посуды и на разрезание ножницами его единственной рубашки, в которой имел неосторожность засобираться в кино без Вики. Но Толик умудрялся уходить в себя, замыкался в себе на три замка, выставив стражу, око

Вика, у которой кошелек был тощ, но всегда для каждого раскрыт, не понимала этих привычек и этого бережного обихаживания себя, и видела только одно: ее не хотят. Сливки с нее сняты, ее не хотят, и делу не мог помочь даже легендарный папа, про которого она рассказывала, что он замечательный человек, рьяный садовод, палка зацветает под его руками, и большой любитель поэзии. Вскоре этот папа, вызванный отчаянным письмом, высокий, церемонный, в дорогом костюме и прекрасной рубашке, пленив ту самую румяную вахтершу

своими манерами и речами, был принят в нашем общежитии. Даже не оглядевшись как следует, он отправился на кухню варить курицу, и орудовал над нею так долго и страстно, как ученый над своими колбами. Вика полетела наверх к своему Толику и застала его за тщательным поправлением челки. Вике пришлось переждать, пока он не обстриг все, что наметил, затем Толик вытряс в окно полотенце, которым был обвязан, подмел пол, поставил на место стул и продул расчесочку. Наконец он поднял терпеливый взгляд на Вику. Она пригласила его на знакомство с замечательным отцом. "С какой целью?" - с несвойственной ему прямоотой спросил Толик, и Вика со всего разлету ударилась о запертую дверь. С полчаса она уговаривала Толика, все больше теряясь и чуть не плача, но он умел молчать, затем Вика сказала: "Хочешь, я встану перед тобой на колени?". Толик снова разжал губы: "С какой целью?". Вика набросилась на него и принялась трясти за плечи, Толик послушно трясся, совершенно мимикрируя, растворяясь в стене. Тогда Вика вернулась к себе и привела за руку слегка упирающегося и стесняющегося поставленной перед ним задачи отца, и мужчины вдруг с полуслова нашли общий язык, но не так, как надеялась Вика. Они оживленно заговорили о поэзии, в частности о том, как трудно купить нынче хорошую книгу, например, Пастернака. Голос Толика звучал снисходительно. Между ними произошел легкий треп, а не мужской разговор. Толик все-таки спустился этажом ниже, отведал курицу, указав на недостаток соли, и был таков. К этому моменту Викина история и ее страдания приелись, как общежитские обои, они стали фоном других сюжетов, и Вика, чувствуя это, уже перестала бросаться к каждому с исповедью души, а Толик переключился на другую девушку, которая ему

.....

ТРАДИЦИИ - БОЛЕЕ ВОСЬМИ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Я довольно регулярно занимаюсь одним небольшим делом, которое с годами ценю все больше, — возможно, потому, что оно ничем не похоже на мои остальные занятия. Двенадцать раз в году с ноября по май, если я в городе и у меня нет сверхсрочных обязательств, в один из понедельников после обеда я откладываю все дела и иду на встречу с примерно двадцатью пятью другими женщинами. Мы собираемся у кого-нибудь на квартире для обсуждения заранее обговоренной темы, на которую одна из нас в начале встречи делает короткий вводный доклад. Обсуждение длится ровно час с четвертью, причем в нем принимают участие все, после чего мы еще минут десять-двадцать пьем чай или какао с печеньем и расходимся каждая по своим делам, слегка встряхнувшись и отдохнув от этой встречи, а иногда и вдохновившись, оттого, в частности, что нам удалось посмеяться. То, что время дискуссии строго ограничено, помогает сосредоточиться и позволяет принимать в ней участие даже самым занятым из нас, — писательницам, художницам, скульпторам, занятым высокопрофессиональным делом или общественной деятельностью. Встречи этой группы проходя

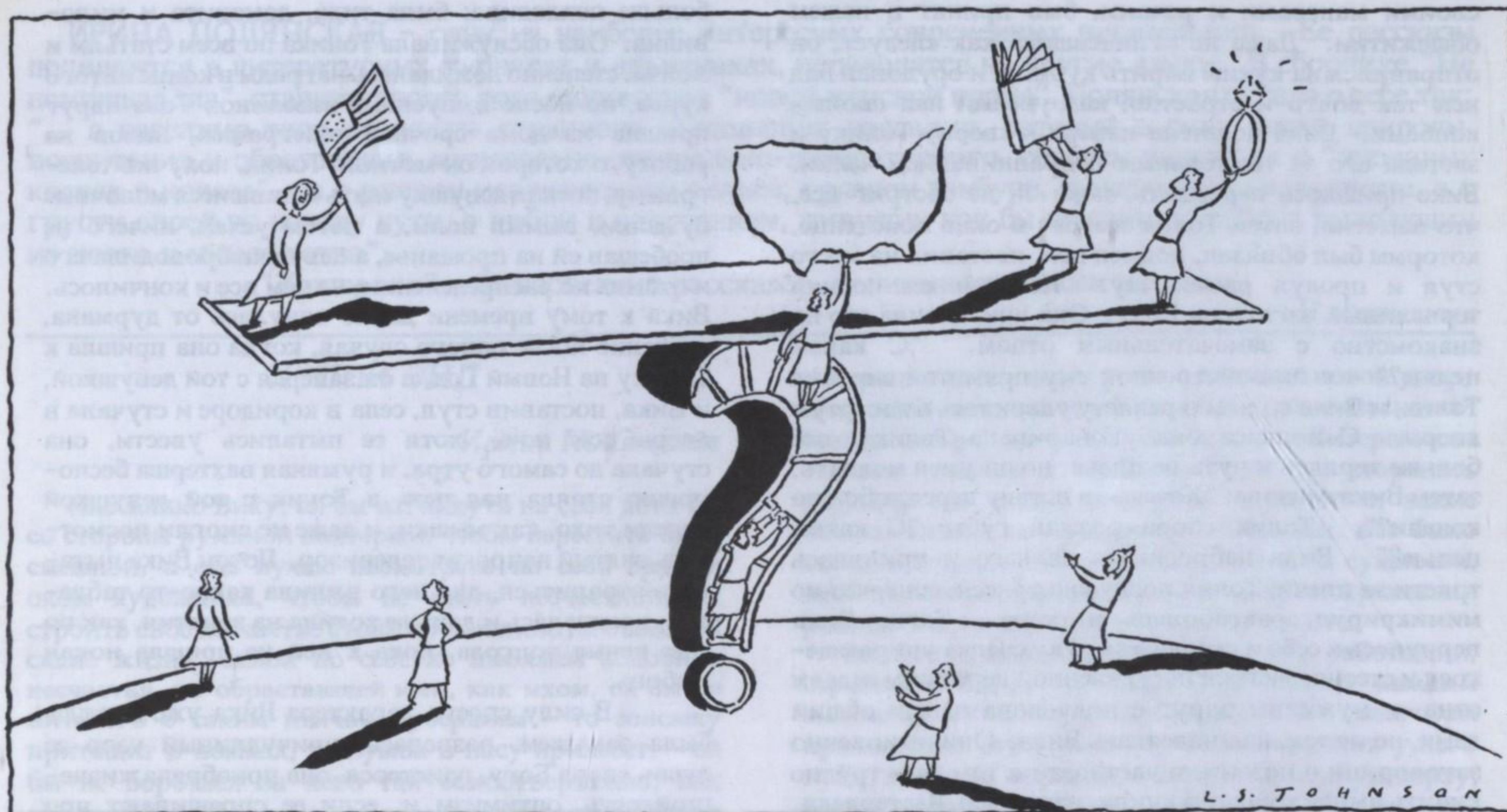
В силу своего характера Вика уже дважды была замужем, развелась, причудливый узор ее души, слава Богу, поистерся, она приобрела жизнестойкость, оптимизм и, если ее спрашивают про Толю, говорит, что этого человека надо было исключить из самой жизни, как ять из алфавита, потому что он лишний, потому что он никому не нужен, барахло, а не человек. Эта история лишний раз доказывает, что и самое большое безумие, если его не питать извне, может перегореть внутри человека, но вот что приходит взамен – достойно ли это Вики, Толика и нас с вами?

регулярно с 1911-го года.

Темы объявляются за две недели до встречи. Они всегда сформулированы в виде вопроса, общественно ли политического или сугубо личного, и часто поначалу удивляют или шокируют участников. Например: "Надо ли читать?" Или: "Когда Вы впервые почувствовали себя достаточно взрослой или старой?" Нашей первой реакцией было: "То есть, 'достаточно' для чего?" Вопросы задаются в провоцирующе-стимулирующей форме.

Однажды мы с жаром обсуждали, можно ли считать произведение искусства безнравственным, и пришли к выводу, что *считать* — то можно, если оно оскорбляет чьи-либо религиозные или нравственные убеждения, но что это ещё не значит, что само произведение безнравственно. Мы сошлись на том, что нравственность есть свойство не искусства, а того, чему оно служит.

В январе мы обсуждали вопрос, является ли Америка все еще тем тиглем, в котором создается новый сплав старых культур ("тигель", the melting pot - традиционная у американцев метафора-штамп для американской культуры. Прим. перев.).

или уже ничего не плавится. Этот вопрос весьма своевременен и злободневен, учитывая гигантский приток в Америку эмигрантов из испаноязычных стран, изучающих английский медленнее, чем эмигранты предыдущих волн, более активно внедрявшиеся в американскую жизнь.

На вопрос "трудно ли вам отождествиться с героями и героинями романов, написанных после 1950-ого года?" все дружно воскликнули "да", но при этом оказалось, что многие участницы могут посоветовать прочитать тот или иной недавно прочитанный роман, который им все же понравился, и в конце концов каждая отправилась домой с бесценным списком рекомендуемой литературы в руках.

После ноябрьских выборов мы обсуждали вопрос, какие нравственные требования избиратель вправе применять к президенту или кандидату в президенты - мужчине или женщине. Мы пришли к необходимости четко разграничить понятия нравственного поведения в личной жизни с одной стороны и при исполнении служебных обязанностей с другой, причем первое имеет значение постольку, поскольку в дальнейшем может повлиять на второе. Все согласились с тем, что при исполнении служебных обязанностей президент должен демонстрировать некоторую нравственную цельность: не лгать, не красть из общественного кармана, не брать взятку, и т.п. Вопрос в том, до какой степени сам статус президента неизбежно влечёт за собой манипуляцию общественным мнением и политическими мерами, когда президент в лучшем случае темнит, а в худшем ведет себя безнравственно.

Мне задали приготовить вступительное слово на тему, от которой я сначала встала на дыбы, а именно,

"не стоит ли восстановить обычай сводить жениха и невесту формально?" Поохладев, я стала размышлять о том, не связан ли этот вопрос с проблемами нашего современного общества, в котором разводы повсеместны, слишком многие дети внебрачные, отцы не чувствуют никакой ответственности и не заботятся ни о своих детях, ни об их матерях, а женщины за тридцать лет, успешно занимающиеся любимым делом, все еще ищут себе порядочного мужа. В результате оказалось, что всем есть что весело и шумно порассказать на эту тему из своей собственной жизни. Насмеявшись вволю, мы пришли к серьезному и конструктивному выводу: браки-то формально "устраивать" не нужно, но необходимо предоставить возможность молодым людям и девушкам где-то по-настоящему познакомиться, сойтись на общих интересах, и в этом-то аспекте "устройства браков" родители и друзья могут очень помочь. Одна из участниц, хорошо знавшая обычаи Индии, сказала, что ей кажется, что в Индии, где большинство браков все еще устраивают формально, счастливых браков не меньше, чем в США. Так что мнения наши участницы выражают самые разные. Ведь никто не требует здесь конформизма, и требования конкуренции тоже не давят, каждая может быть самой собой и при этом уважать мнения и жизненный опыт остальных.

Следующая тема для обсуждения у нас, "проигрываем ли мы, когда идём на компромисс?". Думаю, что на нашу следующую встречу нам стоит пригласить своих политических лидеров. Им будет чему у нас поучиться.

Колетт Шульман

Мы благодарим художницу Лонни Су Джонсон за ее подарок - оригинальную графическую интерпретацию нашего кружка.